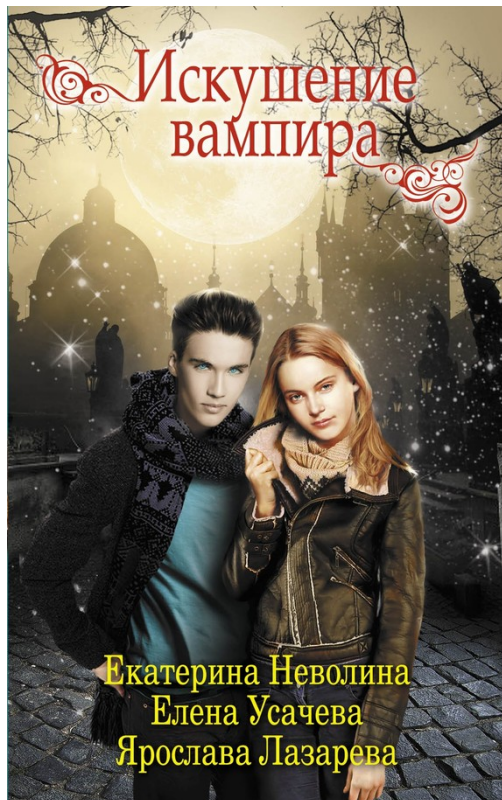

**Елена Александровна Усачева
Екатерина Александровна Неволина
Ярослава Лазарева
Искушение вампира (сборник)
Серия «Неземная любовь»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978281
Лазарева Я. Искушение вампира : повести : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59701-7*

Аннотация

Это загадочно, прекрасно и мучительно, но это не может кончиться добром. Бессмертные вампиры манят, притягивают и сводят с ума. Многие готовы превратиться в них за единственную возможность вечной любви. Ты готова стать героиней захватывающего, ледящего душу романа?

Истории о неземной любви, рассказанные Ярославой Лазаревой, Еленой Усачевой и Екатериной Неволиной.

Содержание

Екатерина Невolina	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ярослава Лазарева, Екатерина Неволина, Елена Усачева Искушение вампира (сборник)

Екатерина Неволина «Мертвая роза»

*Я сотку себе крылья из звезд и зари,
Поднимусь, неба серую муть распоров.
Буду тысячи лет, до скончания земли,
Я блуждать на границе времен и миров...¹*

Он стоял в самом конце перехода, словно на сцене. Софитами были солнечные лучи, проникающие сюда с улицы, золотящие его светлые длинные до плеч волосы, яркими искорками вспыхивающие в удивительных, цвета густого гречишного меда глазах.

Сказать, что он был красив, – мало. Это слово истерто, точно старая, давно находящаяся в обращении монета, и не значит почти ничего, по крайней мере совершенно не отражает того, что было в этом молодом человеке. Того мягкого света, который, кажется, исходил от него. Он казался прекрасным и вместе с тем обреченно одиноким.

Тонкие, изящные пальцы бережно перебирали струны гитары. Молодой человек пел, и его мягкий теплый тенор согревал и вместе с тем пьянил, как старое дорогое вино. Он звал за собой в неведомые дали. Но, видимо, последовать этому зову мог не каждый, и люди проходили мимо. Занятые повседневными делами и мыслями, они словно не замечали распахнутой двери. Да и стоило ли ее замечать? Не дай бог, заслушаешься и станешь таким же блаженным...

Молодой человек и вправду казался немного не от мира сего. Слишком красивый, слишком увлеченный. Глаза его сияли внутренним светом, а губы улыбались так, словно он и не замечал равнодушия окружающего мира. Хотя, скорее всего, так и было.

Его песни были очень странными. То грустные, то веселые, они, как и сам певец, казались чужими – будто их занесло в наш мир порывом всесильного волшебного ветра. Занесло – и бросило здесь, прямо посреди грязного, истоптанного сотнями ног перехода.

Проходившая мимо рыжеволосая женщина, немолодая, с усталым лицом, вдруг остановилась и, открыв сумку, принялась копаться в кошельке. Не в ее привычках было подавать бездельникам-музыкантам, но тут сразу видно – случай совершенно особенный. Да и грех не заплатить за полученное удовольствие.

– Вот, – она протянула руку с зажатой в прокуренных, обтянутых желтоватой сухой кожей пальцах сотенной и только тут заметила, что перед парнем нет ни чехла от гитары, ни шляпы, ни какого бы то ни было приспособления для сбора пожертвований.

– Нет, что вы, спасибо, – он улыбнулся ей так ласково, что ее губы, почти отвыкшие улыбаться, растянулись в ответной улыбке. – Я здесь просто так, для удовольствия. А деньги вам и самим нужны. Все будет хорошо, вы не волнуйтесь.

– Спасибо, – пробормотала она, отчего-то не чувствуя ни малейшей неловкости, и, кивнув молодому человеку, принялась подниматься по лестнице.

¹ Здесь и далее стихотворения Е. Невониной.

«Ангел, настоящий ангел», – шептала она себе под нос.

Глава 1

Снежный ком ее обид

Настя сидела в неудобном кресле, подтянув коленки к подбородку, и обреченно ждала прихода мамы. Все самое плохое, пожалуй, уже свершилось, и оставалось только принять удары судьбы со всем возможным мужеством и покорностью. Чувства вины и стыда вцепились в Настю, словно дикие звери, и вот теперь с наслаждением рвали ее в клочья.

«Ничего, все еще наладится. Сегодня просто не мой день», – пыталась успокоить себя девушка, в глубине души понимая, что ничего уже не наладится. Она не оправдала маминых надежд и к тому же опустила в собственных глазах ниже некуда.

– Усердие, Настенька, это еще не все, – сказала ей сегодня преподаватель музыки, полная усатая тетечка со странным именем Манана Гурамовна. – Благодаря современным достижениям науки сыграть на пианино может и робот, и сделает это гораздо точнее и техничнее тебя. От исполнителя требуются душа, эмоции! Ты, конечно, старательная девочка, но, увы, не вижу в тебе потенциала музыканта. К тому же ты в последнее время очень рассеянна, а потому, извини, не могу допустить тебя до участия в концерте.

– Как? – выдохнула Настя. Слова преподавателя показались ей ударом молнии, вдруг сверкнувшей в безоблачном небе.

– Увы, – Манана Гурамовна обреченно покачала головой, так что ее трехступенчатый бюст затрясся, словно желе. Насте стало противно, и она уставилась в пол, лишь бы не смотреть на учительницу.

– А может, я побольше... – робко выдавила она.

– Не может! – безжалостно отсекала учительница. – Музыкальную школу ты, конечно, окончишь нормально, но о какой-либо карьере пианистки даже не думай!

Интересно, кто сказал, что суровая правда лучше, чем сладкая ложь? Его бы сейчас на Настино место. Ей было ужасно обидно, но еще более того – стыдно перед мамой. То, что Настя станет пианисткой и будет выступать в полном восторженных зрителей зале, являлось главной маминой мечтой. Сама девочка к музыке не слишком тяготела. Во втором классе мама отвела ее к репетитору, а в третьем, усердно прозанимавшись целый год, Настя поступила в музыкальную школу. И началось... Гаммы, этюды Черни, полифонии Баха – и дальше, дальше, дальше...

На этот концерт мама рассчитывала особенно и даже досрочно заказала для дочери черное бархатное платье (обязательное, по ее мнению, для всех пианисток) и вынула из шкапушки старую круглую брошь с камеей, принадлежавшую, кажется, еще Настиной бабушке. Теперь платье с приколотой к нему брошью торжественно висело в шкафу, ожидая дня концерта.

Которого не будет.

Вернее, будет, но не для Насти.

В каком там году предрекали очередной конец света? Для Насти он наступит уже сегодня.

Словно в ответ на ее мысли из прихожей донесся скрежет ключа в замке двери. В предгрозовой тишине он показался девушке ударом грома.

Она выдохнула и приготовилась к худшему.

– Настенька, вот и я! – крикнула из прихожей мама. Разумеется, она еще ничего не знала. Даже не догадывалась, что ее умница-дочь потерпела неудачу. – Как дела, как в школе?

В школе все тоже было не очень. То есть с маминой точки зрения, может, и ничего, а вот с Настиной – полный отстой. Учеба, учеба, учеба! От Насти даже мальчишки шарахались! Один раз в жизни пригласили на дискотеку, а у нее в этот день, как и во многие дру-

гие, занятия в музыкальной школе. И что же? Не похоже, чтобы Пашку из параллельного одиннадцатого «А» это сильно расстроило. По крайней мере, он сумел скрыть огорчение и буквально за пять минут подыскал Насте замену. О Насте вспоминают в классе только тогда, когда требуется списать домашку или контрольную.

– Все нормально, мам, – привычно пробормотала Настя, собираясь для предстоящего разговора.

И он, конечно же, не замедлил последовать.

– Что-то не так? – Мама сняла сапоги и заглянула в комнату. – Что это ты сидишь без света? – И она тут же включила лампу.

«Мам, не сердись, но у меня нет таланта...», «Мам, ты, конечно, всегда желала мне добра и хотела, чтобы из меня получилась пианистка, но, похоже, я из тех неудачников...», «Мам, мне сегодня сказали, что у меня нет ни души, ни эмоций, наверное, я зря ходила в музыкальную школу...» – вертелось на языке у Насти.

– Так, – протянула она, щурясь на яркий свет. – Ты же не расстроишься. Знаешь, с концертом... – Горло сдавил спазм, и девушка замолчала, не в силах продолжить.

– Что с концертом? – Мама пошарила в кармане, извлекла оттуда сигарету и зажигалку и закурила. Она всегда курила, когда нервничала.

– Ты не волнуйся, как-нибудь в другой раз... – протянула Настя, пялясь в отвратительный цветной ковер у себя под ногами.

– Тебя не допустили к участию в концерте?! – Мама смотрела на дочь с презрением, словно обнаружила в ней какое-то уродство, которого отчего-то не замечала раньше, например лишнюю пару рук или второй нос.

Настя не ответила – что уж тут скажешь, все и так ясно.

– Та-ак, – мама присела на подлокотник дивана и выпустила изо рта густой клуб дыма.

«Словно извергающий пламя дракон», – неуместно подумалось Насте.

– Та-ак, – повторила мама. – Значит, все, что я делаю для тебя, тебе абсолютно не нужно. Может, я тебя слишком нагружаю, а? Может, ты вкалываешь, как Золушка, а по ночам еще скребешь сковородки и перебираешь горох и чечевицу? Ну скажи, а?

– Нет, – прошептала Настя, чувствуя себя уже совсем глупо.

– А раз «нет», то почему ты не можешь нормально выполнять тот минимум, который от тебя требуется?!

– Я... – Настино лицо побледнело, словно с него разом стерли все краски. – Я старалась, но... может, у меня просто нет способностей. Манана Гурамовна сказала...

– Тебе просто лень заниматься! Настоящие пианистки работают над собой ежедневно! Понимаешь! Это очень тяжелый труд! Вот сколько часов ты занималась сегодня?

– Я...

– Разъекалась! – Мама глубоко затянулась и выдохнула очередную порцию едкого дыма. – Стараться нужно! Или ты думаешь, у меня много денег, чтобы оплачивать твои бесполезные, да, именно бесполезные, занятия в музыкальной школе, а к тому же заказывать тебе дорожные платья для концерта, на которые тебя в итоге не пускают?!

– Но я же не просила!..

– Ты бы лучше вообще помолчала!

И тут у Насти словно в голове сорвало последнюю гайку.

– Я и так все время молчу! – крикнула она, вскочив с кресла. – Я устала от своего молчания! Мне надоело делать все, как ты хочешь! Есть же у меня право на собственную жизнь или нет?

– Настя! Что с тобой? – Мама удивленно смотрела на нее, а девушка уже бросилась в прихожую, сунула ноги в кроссовки и, схватив в охапку куртку, выскочила из квартиры.

Кровь тревожно пульсировала в висках, а в горле стоял горький ком.

«Да, я неудачница, но кто в этом виноват? Да, я невидимка, персона нон грата. Но почему я стала изгоем и кто же это, спрашивается, воспитал меня так? Кто постоянно твердил про то, что девушку украшают ум и скромность?! Вот хожу теперь такая разукрашенная, и никому, никому до меня нет дела! Ты бы только посмотрела на «хороших девочек» из нашей школы! Некоторые из них уже пьют и спят с мальчиками. Да, я тоже считаю, что ориентироваться на них глупо, но меня достало то, что на меня смотрят как на заумную идиотку!»

Настя бежала по лестнице, все еще продолжая мысленно вести диалог с матерью. Девушка с грохотом захлопнула за собой подъездную дверь, словно отсекая от себя всю прошлую жизнь. Она чувствовала, как жарко горят ее щеки. В груди тугой пружиной свернулась обида, так и рвущаяся наружу.

Холодный ноябрьский ветер – на календаре уже третье ноября, это вам не шутка – ударил Насте в лицо, немного приведя девушку в чувство. Она на секунду остановилась, жадно дыша студеным, напитанным влагой воздухом. Ей срочно требовалось что-то хорошее. То, что помогло бы ей отдышаться, залечить раны и начать, вернее, продолжить жить как прежде.

И она подумала о нем – о том мальчике из перехода... Его отчаянно грустных горчично-медовых глазах, светлых волосах, небрежно-длинных, тонких запястьях и потрясающем одиночестве. Настя не видела никого, кто был бы так же одинок среди толпы. Она смотрела на него уже третью неделю. Он приходил в переход не каждый день. Примерно два-три раза в неделю, с пяти до семи. Но каждый раз в это время она оказывалась там. Просто так, чтобы взглянуть на него, чтобы послушать глубокий голос и увидеть на бледной щеке густую тень от длинных ресниц.

Вот и сейчас после ужасной ссоры с матерью Настя направилась к заветному переходу.

В кармане куртки запиликал мобильник. Очевидно, мама докурила очередную сигарету и созрела для следующей порции нотаций. Настя сбросила звонок и отключила телефон. Разговаривать с матерью ей не хотелось. Ей вообще не хотелось ни с кем разговаривать. Разве хоть кто-то способен ее понять? Попробуйте поживите в трясине, засосавшей вас уже по самый подбородок, когда в вашей жизни ничего не меняется, вы тупо бултыхаетесь на месте, а ваши дни похожи на бледные ксерокопии – и все, заметим, абсолютно бессмысленные. Мрак!

Да, Настя была примерной девочкой. Училась, ходила в свою долбаную музыкальную школу, а иногда тупо таскалась по улице с Соней Петровой – вовсе не потому, что они такие вот замечательные подружки, а потому, что у Сони тоже не было своей компании. С кем водиться изгоя – только с другим изгоем. Вместе с Соней они, должно быть, представляли умопомрачительное зрелище: две серые мышки, две бледные моли, две невидимки. Даже парни, тусующие на углу школы и задирающие всех проходящих мимо более-менее симпатичных девчонок, никогда не сказали им с Соней ни слова! Даже не окликнули ни разу! Нет, Насте они и даром не нужны, однако чувствовать себя невидимкой чертовски неприятно. Вроде и не урод. Лицо приятное, и волосы пшенично-рыжие, густые. А вот на лбу, наверное, огромная печать: «Я ИЗГОЙ! НЕ ПОДХОДИТЬ!» Горько и отвратительно.

Проезжавшая мимо огромная черная машина с ног до головы окатила ее водой из ближайшей лужи... Вытирая тыльной стороной ладони осевшие на лице брызги, девушка думала о том, как ненавидит их небольшой тихий городок – грязный и замшелый. Судя по всему, половину его населения составляли выходцы из среднеазиатских республик, половине – алкаши-неудачники. Казалось бы, всего полчаса на электричке от Москвы – а словно край мира. Северный полюс, утонувший в грязи и хамстве.

Настя, как могла, отряхнула джинсы и куртку и, поежившись, подошла к лестнице, ведущей под землю. Теперь спуститься и пройти переход насквозь. Тот мальчик с гитарой должен стоять на противоположной стороне. Скорее всего, сегодня он не придет. Во-первых, потому, что он был в понедельник, то есть позавчера, а во-вторых, если уж все сегодня пошло наперекосяк, вряд ли ей повезет увидеть его.

«Ничего. Главное – я подготовилась к неудаче и совсем не расстроюсь, если его там и вправду не будет», – сказала себе Настя. Обида на маму почти прошла. Вернее, девушка уже совершенно забыла о ней, охваченная другими чувствами. «Если он вдруг там, подойду к нему, улыбнусь и скажу «привет». Говорят, от одного слова еще никто не умирал», – решила Настя, топчась на верхней ступеньке.

Она, словно перед прыжком в воду, вдохнула побольше воздуха, пошла вниз и тут же услышала его голос.

Я последний из видевших этот мир
в дни расцвета,
Я последний из помнящих
к звездам истинный путь.
Изменилась земля.
Нет уже прежних тени и света
Нет героев, и люди живут просто так,
как-нибудь.
Распахну свои крылья – вполмира,
а может, вполнеба.
Поднимусь в небеса, облака оставляя вдали.
Я дракон с чешуей, что белее
январского снега,
С сердцем чище, чем кровь
из груди обожженной земли...

Настя застыла посреди перехода, похожая на соляной столб. Мальчик с гитарой был на месте! И он пел, с каждым словом вливая в ее вены сладкий яд. Сердце то безумно колотилось в груди, то замирало. Девушка чувствовала, что ей плохо. Просто физически нехорошо. Вот шагнет она вперед – и сразу умрет. Упадет на тусклый кафельный пол – и кранты!

Он стоял точно там же, где и всегда. Узкие джинсы, черная кожаная куртка, гитара... Он был таким же одиноким, как она сама. Сказочный мальчик, по замыслу злобного тролля угодивший в грязный подземный переход на утеху людям, не умеющим прочесть в золотом сердце и медовых глазах печальную и трогательную сказку одинокой души. Люди проходили и проходили мимо, и у Насти предательски защипало глаза. Ей вдруг показалось, что он – зеркальное отражение ее самой. Близнец-перевертыш из Зазеркалья. Только вот Манане Гурамовне, наверное, понравилась бы его музыка. Настя чувствовала в ней то, чего, видно, действительно оказались лишены ее Черни и Лист. Это было настоящее живое сердце.

«Надо сказать ему что-то такое, чтобы он сразу догадался, что я не такая, как другие, что я его понимаю», – подумала Настя. Между ними была длинная кишка подземного перехода. Серые стены, равнодушные лица... Как он мог петь свои удивительные песни здесь, в этом ужасном месте, похожем на ад?! Голова кружилась, а ноги казались налитыми свинцом, когда Настя, с трудом преодолевая себя, сделала первый шаг навстречу ему.

«Привет – дурацкое слово. Все говорят друг другу «привет» – и это вовсе ничего не значит. Может, сказать «я пришла»?.. Ну, как будто мы с ним договаривались о встрече или

как будто он давно меня ждал... даже не догадываясь об этом. Нет, тупо, все тупо и бессмысленно...» Мысли метались в голове, как стая испуганных голубей, кружащих над крышами.

Шаг. И еще шаг. Расстояние отчего-то не уменьшается, а словно, наоборот, увеличивается, будто она попала в Зазеркалье и каждый сделанный шаг только отдаляет ее от цели, делает лежащую между ними пропасть все глубже и непреодолимей...

Она уже совсем собралась подойти, почти уговорив себя на это... И тут... тут случилось непредвиденное. Мимо Насти, находящейся будто во сне или под действием гипноза, пробежала девушка и, кинувшись к мальчику с гитарой, схватила его за руки и быстро заговорила что-то. Настя не слышала слов, она видела только, как двигаются губы незнакомки, мимоходом отмечая, что она симпатичная. Как раз такая, какие нравятся мальчикам: не слишком полная или худая – фигуристая, с блондинистыми волосами, да и одета не чета Насте – в розовую приталенную курточку, черную юбку и высокие черные сапоги на каблуках. Вовсе не удивительно, что мальчик с гитарой ласково ей улыбался и что-то горячо говорил в ответ. Из его глаз исчезла бывшая отстраненность. Он разговаривал с девушкой так, что сразу становилось ясно – между ними есть определенные отношения.

Ловить здесь больше было нечего, но Настя так и стояла, потому что не могла сдвинуться с места. Ее ноги словно приросли к полу.

Тем временем мальчик зачехлил гитару, и они вместе с девушкой направились куда-то. Проходя мимо Насти, ее знакомый незнакомец взглянул на нее так, будто ему было неловко.

«Он стесняется перед этой девицей! Боится, вдруг она решит, что мы с ним знакомы!» – мелькнула в Настиной голове мысль.

«Дура!» – сказала себе девушка, переводя взгляд на свою тускло-серую куртку и покрасневшие от ноябрьского холода руки. Разница между ней и блондинкой в розовом была слишком очевидна, чтобы требовались какие-либо пояснения. Щеки Насти мгновенно вспыхнули багровым румянцем. Вот и нечего было даже думать о том, чтобы подойти к нему. Как же хорошо, что она не подошла!.. Она без сил прислонилась плечом к стене и, словно нищенка на паперти собора, смотрела вслед уходящим.

Какой позор! А ведь ей уже начинало казаться, что она нравится мальчику с гитарой. Он смотрел на нее... ей тогда представлялось, что по-особенному, а однажды, кажется, даже попытался подойти к ней, но девушка испугалась и убежала. «И правильно, – сказала она себе, – надо же было навоображать столько чепухи! Вот дура!» Настя засмеялась, и смех болью отозвался в пустой груди. У нее не осталось ничего. Ни-че-го! Наверное, так даже легче. Жизнь похожа на пылинку. Стоит только подуть – и она, подхваченная порывом ветра, улетит в тартарары, исчезнет с холодной ладони мироздания.

Настя наклонила голову и решительно зашагала прочь.

* * *

Мир вокруг был черно-белым и смазанным, как на старой-старой фотографии. Он всегда такой, когда смотришь на него сквозь слезы. Редкие прохожие – бессмысленные пятна, как на тестах Рошаха. Попробуй угадай, что это – человек или фонарный столб? А может, лягушка или целующиеся негрятки!

Но Настя и не пыталась угадывать. Она шла по улице, сама ощущая себя таким же чернильным пятном, ошибкой, нечаянной оплошностью. Уравнение решено, результат – отрицательный.

Она очутилась в холодном черно-белом пустом мире, похожем на выброшенный за ненадобностью комикс. Дом, школа, брэнчание на пианино, участвовавшие ссоры с матерью – все это наполняло Настину жизнь. Все это и являлось ее жизнью, а больше – ничего. Как глупо! «Я не требую от тебя чего-то сложного! Только учись и становись на ноги! А уж я

как-нибудь прокормлю нас обеих», – повторяла мама механически, как говорящая кукла, и закуривала очередную сигарету. Как же она не понимала, что Настя уже давно задыхается в этом сером мире, что она нередко с завистью глядит на модно и дорого одетых одноклассниц, бесконечно шушукающихся и смеющихся. Она хотела бы быть такой же, как они, но не могла и от этого замыкалась еще больше.

Настя не вытирала слез – бесполезно. Они все равно лились дождем. Отказаться от любви – все равно что отказаться от крыльев. Зачем небо, если не умеешь летать?!

Кто-то толкнул ее. Ах да, это она на кого-то налетела. Большое лицо, обрамленное неопрятными завитыми волосами, едва различимо через пелену слез. Отвратительные яркие губы шевелятся. Как хорошо, что у нее в ушах надсадно орет плеер и женщину не слышно!

И снова – улицы, пятна домов и машин. Жизнь, словно змея, свернулась в кольцо, проглотила собственный хвост и заиклилась, как поставленная на повтор песня. Старая песня, которая давным-давно осточертела.

Настя слушала композицию, записанную на телефон в переходе. Его голос, доносящийся через треск помех, казался ей сигналом «SOS», посланным с чужой далекой планеты.

Не умеешь летать – так зачем же,
скажи, тебе небо?
Сделай сердце себе из январского белого снега,
Вылей душу свою, как вино, из стакана на пол
И впиши себя в угол квартиры,
как шкаф или стол...

Его слова. Его голос. И острое понимание бессмысленности, невозможности встречи. Он всегда будет смотреть поверх нее, мимо нее. Она для него ничто – даже мельче пылинки, плывущей в бездонном космосе.

Он для нее – все. То единственное, что придавало этой жизни смысл. Он заставил ее поверить в сказку, он подарил ей крылья, возносящие в самое небо! Она поверила – и вот лежит разбитая.

Словно в подтверждение собственных мыслей, Настя споткнулась и грохнулась на асфальт, вымазав в грязи джинсы и разбив коленку. Было очень больно и противно, поэтому она даже не попыталась подняться, а села на бордюр, подтянув ноги к самому подбородку, и горько, в голос, зарыдала. Она оплакивала все сразу – и безответную, никому не нужную любовь; и пустую жизнь, в которой *никогда ничего не происходило*; и даже разбитую коленку – еще один знак жестокости окружающего мира. Она плакала и плакала, но наконец иссякли даже ее слезы. Она всхлипнула в последний раз и шмыгнула носом, попутно заметив, как сильно она замерзла. Холодно. Как же холодно! Насте показалось, что она очутилась на Северном полюсе. Ноги одеревенели, а зубы непрерывно выбивали дробь.

Однако у этого были свои положительные стороны: холод привел Настю в чувство. Она подула на руки, растерла пальцы, а взгляд девушки меж тем сфокусировался на странных ботинках, находящихся как раз в поле ее зрения.

Глава 2

Ботинки с пуговицами и желтый шейный платок в придачу

Это были причудливые лаковые ботинки: внизу – черные, наверху – белые, и с пуговичками. Кажется, Настя видела подобные в каком-то старом-престаром фильме. Постепенно до девушки стало доходить, что объект, стоящий перед ней и ранее принимаемый ею за столб, не может быть столбом хотя бы потому, что столбы не носят ботинки на пуговицах. Это и для людей достаточно экзотичная обувь. Настя тут же представила себе обладателя ботинок – прыщавого взлохмаченного юнца, убежденного фрика, таскающего на себе шмотки начала прошлого века. Ее взгляд скользнул по широким серым, в черную полоску штанам, поднялся чуть выше к такому же пиджаку, задержался на сложенных на животе пухлых ручках, свисающей из нагрудного кармана красной гвоздике на переломленном стебле и наконец остановился на шелковом шейном платке. Платок действительно приковывал к себе внимание. Он был ярко-желтого, так называемого канареечного цвета, в черный горох. Кажется, Настя в жизни не видела такой кричащей и неуместной вещи. Попялившись на фриковский прикид, девушка все-таки подняла глаза к лицу незнакомца, без малейших признаков нетерпения позволявшего ей себя рассмотреть. Лицо удивило ее. Вместо ожидаемой прыщавой физиономии перед ней оказалось добродушное лицо мужчины лет сорока, круглое, с румяными щеками, ярким, видимо накрашенным, ртом-пуговкой и лихо закрученными вверх тонюсенькими усиками. Поймав ее взгляд, незнакомец кивнул и галантно приподнял черную, похожую на котелок шляпу.

«Извращенец! – мелькнуло в голове у Насти. – Типичный старый извращенец! Наверняка любитель мальчиков. От меня-то ему что нужно?»

Мужчина с явным удовольствием потер пухлые руки и подмигнул Насте.

«А может, он владеец борделя, – продолжала неторопливо размышлять девушка. – Этого еще не хватало».

Тот, кажется, хихикнул и постучал пальцами-сардельками по своему уху.

Не к добру. Сразу видно, общаться хочет. Кто может быть хуже психа? Правильно, только общительный псих. Незнакомец, судя по всему, стоял перед ней уже довольно долгое время, а значит, серьезно настроился на разговор, поэтому лучше выслушать, что он скажет, и послать его подальше, не растягивая сомнительное удовольствие.

Настя сняла наушники плеера и устало взглянула на странного типа. Глаза болели, голова раскалывалась, а к горлу подступала тошнота. На редкость мерзостный вечер! Хуже и быть не может!

– Благодарю вас, юная леди, что уделите старому уроду толику вашего драгоценного внимания, – чуть гнусаво выдал отвратительный незнакомец и хихикнул.

Настя моргнула, не зная, что и ответить на это. Обхватив себя руками и стуча зубами от холода, она сидела на бордюре и удивленно пялилась на незнакомца.

– Ах! – Пухлая ручка прижалась к пиджаку где-то на уровне сердца. – Прошу вас, милая барышня, не затрудняйте себя отрицанием того воистину печального факта, что перед вами находится, увы, уже немолодой и лишенный свежего очарования юности тип!

Настя вовсе не собиралась говорить ничего подобного. Забавный уродец, несомненно, был стар. Наверное, лет сорок, а может, даже пятьдесят.

– И простите меня за назойливость, – продолжал он, ничуть не смутившись, – но звон вашего разбитого сердца был слышен аж на том конце улицы, – субъект махнул куда-то рукой, – я просто не мог пройти мимо очаровательной девушки, пребывающей в состоянии

такого огромного и всеохватывающего горя!.. Кстати, знаете, – произнес он уже совсем другим тоном, – что сильные эмоции всегда выделяют человека из толпы и привлекают к нему внимание либо добрых волшебников, либо злобных негодяев!

– И вы, конечно, добрый волшебник, – вздохнула Настя, догадавшаяся, что чудаковатый мужик примется ее утешать.

– Кто? Я? – Он даже подскочил и снова захихикал, как будто услышал весьма смешную шутку. – Ничуть не бывало! А что, похож? Может, вы, милая барышня, так и представляли себе добрых волшебников?

Он попытался принять чинный вид и даже надул от усердия щеки.

– Нет, не похожи. Говорите, что вам нужно, у меня мало времени! – рывкнула Настя, совершенно дезориентированная его поведением. Вообще-то, она была доброй домашней девочкой, но события сегодняшнего дня и странное поведение незнакомца вывели ее из состояния равновесия.

– А жаль, было бы забавно, – расстроился тип, но тут же снова заулыбался. – Да-да, милочка, вы совершенно правы! Дело – прежде всего! Правильно ли я понял, что ваше нежное сердечко пострадало от несчастной любви и все вокруг кажется вам ненужным и бессмысленным? Как там говорится? Ага! «Не умеешь летать – так зачем же, скажи, тебе небо?»

Неужели сумасшедший уродец тоже слышал его песни?!

– Откуда вы это знаете? – спросила Настя, пытаясь размять онемевшие ноги.

– Ну как же, как же! Такой очаровательный молодой человек! Просто переодетый принц!

«Господи! Ну точно больной на всю голову! Наверное, видел меня в переходе... Какой ужас! А вдруг ему тоже нравится тот мальчик?.. Ну бывают же извращенцы...» Девушка поморщилась.

– Нет-нет, не бойтесь! Я вовсе вам не соперник! – поспешил добавить незнакомец, будто прочитав ее мысли. – Напротив, я могу предложить вам нечто, благодаря чему вы, милочка, сможете завоевать сердце объекта ваших нежных девичьих грез!

– В обмен на свою бессмертную душу, – буркнула Настя, опустив голову на колени.

Чокнутый, определенно чокнутый. И что с ним вообще разговаривать?!

– Озорница! – воскликнул незнакомец, отчего-то придя в полный восторг. – Ах, до чего же образованная и утонченная барышня! Так польстить старику!.. Простите, милая, я очень чувствителен. Можно сказать, сентиментален, как изношенная галоша! – Он громко высморкался.

Настя никогда не слышала о том, что изношенная галоша проявляет хоть каплю сентиментальности, но весь спектакль уже начал ей надоедать, поэтому она встала, разминая затекшие ноги, и собралась уже идти прочь, но незнакомец остановил ее:

– Не гневайтесь на старика! Разве я не понимаю, что у вас и вправду сердце разрывается от боли и вы, милая, уже который час бродите по улицам, думая, броситься ли вам с моста или покончить счеты с пустой жизнью с помощью, так сказать, современных средств, именуемых автомобилями? «Я сотку себе крылья из звезд и зари»... ну и прочее хлюпанье.

Прозвучавшие из чужих уст ее собственные мысли обрушились на Настю, словно груда камней. Все верно. Чувство реальности уже давно плыло, а теперь его последние остатки помахали ей ручкой и укатили в неизвестном направлении.

«Все понятно! – догадалась Настя. – Я просто сошла с ума! Никакого незнакомца в полосатом костюме нет. И ботинок с пуговицами, и идиотского платка в горошек! Я просто стою посреди улицы и разговариваю сама с собой».

– Отличная версия! – похвалил воображаемый собеседник. – Только зачем же так о моем любимом платке?

Настя огляделась. Улица, как назло, была пуста. Обычный «спальный район». Редкие фонари, темные силуэты деревьев, высокие дома, равнодушный бледный свет чужих окон... И кроме них двоих – ни души... Если что, некого даже позвать на помощь.

– Кто вы? – спросила она прямо, вновь оборачиваясь к незнакомцу.

Он отступил на шаг. Выпрямился – и вдруг как будто действительно стал выше и тоньше, – поправил шейный платок, тщательно откашлялся, как оратор, перед тем как произнести длинную речь.

– «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла...»² – произнес он наконец с гордостью и тут же, снизив пафос, краем глаза покосился на девушку, чтобы убедиться, что произвел на нее впечатление. – Я – верный сын ночи и уродливый шрам на лице человеческого общества. Я вампир! Кровосос! Носферату, если вам привычнее такое определение. И я к вашим услугам, юная леди! – неожиданно закончил чудака и поклонился.

– Кто? – переспросила Настя. В ее воображении тут же возник образ вампира – худощавая фигура, облаченная в черный плащ с кровавым подбоем, бледное, как лист бумаги, лицо с горящими, словно уголья адского пламени, глазами, небрежно падающая на пергаментный лоб прядь черных, смоляных волос.

– Э, да вас, барышня, понесло! – укоризненно покачал головой новоявленный вампир. – Откуда вы только такой ереси понахватались! По-вашему, все вампиры – эдакие демонические красавцы?! А знаете... Только тсс! Никому не говорите! – Он приложил палец к губам и огляделся в поисках потенциальных шпионов, а затем доверительно прошептал: – Я вот просто уверен, что наши сами платят газетчикам, чтобы те создавали им привлекательный роковой образ. Вот на это и идет вся вампирская казна, в то время как бо́льшая часть рядовых вампиров прозябает в нечеловеческих! – он подчеркнул это слово, укоризненно подняв в небо палец, – условиях. Сырые подвалы, полуразвалившиеся гробы... Думаете, это полезно для старых костей? А обилие химии и некачественное питание? Все это, милая, напрямую, да, напрямую влияет на продолжительность жизни современного вампира. Мы стоим на грани вымирания, а они, видите ли, создают идеальный образ – еще бы блестками натерлись и организовали какое-нибудь шоу, чтобы окончательно превратить благородную идею вампира в низкую пародию!

Настя смотрела на него во все глаза. Открытое представление театра абсурда, никак не иначе!

– Ладно, – махнул рукой ненормальный, и фигура его снова приняла прежние габариты, – это и вправду вам, милейшая, неинтересно. Вам интересно добиться внимания объекта вашего обожания, и я, как и обещал, могу помочь в этом. Как говорится, если хочешь привлечь внимание человека – поднимись выше его!

С этими словами плотный господин немного приподнялся над землей – просто взял и повис в воздухе – и воззрился на девушку, видимо, в ожидании аплодисментов. По крайней мере, ей так показалось, и она даже пару раз хлопнула в ладоши. Как ни странно, беседа с ненормальным развлекла ее, а чувство пустоты и безнадежности временно отступило, сжавшись до размеров горошины. Чего бояться, когда решение уже принято?

– Так вы хотите превратить меня в вампира? – поинтересовалась она.

– Приятно, чертовски приятно иметь дело с умной особой! – закивал фрик, улыбаясь. – Новые чудесные возможности откроют перед вами любые двери и любые сердца! Вы сможете летать... ну не сразу, конечно, а когда-нибудь, со временем; обретете силу и скорость, многократно превышающие человеческие возможности; станете обаятельной... почти как я... Или по-другому, – поспешно поправился он, правильно разгадав выражение Настиного лица. – Соглашайтесь, юная барышня! Это воистину аттракцион неслыханной щедрости!

² Слова принадлежат Мефистофелю. Гете «Фауст», перевод Б. Пастернака.

Девушка посмотрела себе под ноги на грязный тротуар, будто ожидая увидеть там под-сказку.

– А как вас зовут? – опомнилась она наконец.

– Ах, имя – это такая формальность. Хотите звать меня Дракулой? Что, неужели нет? – Вампир захихикал, прикрывая маленький круглый ротик ладошкой. – Ах, барышня, барышня, как же я мог посягнуть на святое?! Ладно, можете обращаться ко мне «учитель». Если вы, конечно, согласитесь на мое предложение, а если нет, боюсь, наши пути разойдутся, как дирижаблы на проселочной дороге. Ну как? Ну не томите старика! Видите же – он нервничает, у него очень большое сердце! – И вампир опять захихикал.

Настя задумалась. Что есть в ее жизни? Она устала быть деревянной лошадкой на бесконечно кружащейся карусели. Может быть, сегодня ей дали последний шанс остановиться, выйти за грани привычного дня, разбив стекло обыденной жизни? Стать другой? Стать не такой, как все?.. Стать особенной? Да полно, какие тут сомнения, когда еще час назад у Насти не было иного выхода, чем броситься с моста или кинуться под колеса автомобиля. Богатый выбор, не правда ли?

И сейчас у нее появился шанс. Реальный шанс измениться, стать быстрой, опасной и чертовски привлекательной – не чета девицам в розовых курточках, которым, если хорошо подумать, цена рубль, да и то за целую связку таких отштампованных девиц. Это ее шанс...

...если, конечно, происходящее не дурацкая шутка или розыгрыш...

Ветер, пролетевший по пустой улице, поднял тучу пыли, зашебуршал в сухой листве, ласковой ладонью погладил девушку по волосам.

Это только игра, и если она даже и согласится, то вовсе ничем не рискует.

– А что, стать вампиром легко? Вы каждому это предлагаете? – Девушка подозрительно взглянула на незнакомца. Она уже все решила, но вовсе не обязательно показывать ему это.

– Отнюдь, юная барышня, такой шанс выпадает раз в пятьдесят лет. Сегодня как раз такая ночь, когда обращение становится возможным... Но если вы сомневаетесь, а это ваше право, – он равнодушно пожал плечами, – я просто найду кого-то другого.

Чудак подмигнул ей, подкрутил усы и отвернулся, чтобы уйти.

– Пойдите! Я... Я согласна! – выпалила Настя в полосатую спину.

– Ах так!

Он вдруг оказался всего в полушаге от нее, и Настя впервые заметила, какие страшные у него глаза. Неподвижные, холодные, как угли потухшего костра, и вместе с тем пронзительные, властные.

– Ты дала согласие совершенно добровольно. Запомни: это твой собственный выбор, – повторил он голосом, из которого без следа исчезла былая гнусавость и который звучал теперь твердо и повелительно.

– Да, – пробормотала Настя, ощущая, что земля уходит у нее из-под ног, а мир перед глазами начинает вращаться, словно бешеный волчок. Темное небо, высокие дома, застывшие свидетели – силуэты деревьев – все несло по кругу, вертелось в бесконечной карусели – быстрее и быстрее, пока наконец не слилось в одно большое пятно...

Глава 3

Следующая остановка – бездна

Она очнулась на земле. Было почему-то не холодно, а голова казалась подозрительно легкой. В небе висела круглая тусклая луна, похожая на истершуюся монету. Воспоминания возвращались постепенно. Да правда ли это все? Был ли тот странный господин с ярким шейным платком и тараканьими усиками? Шел ли между ними тот невероятный разговор? Скорее всего, ей стало плохо, она потеряла сознание и провалилась какое-то время на улице...

Настя приподнялась, ощущая в себе странную смесь чувств – и разочарование, и облегчение одновременно. Опершись о землю руками, она встала сперва на четвереньки, а затем поднялась на ноги. В теле ощущалась пьянящая легкость. А еще чувство голода. Противное сосущее чувство...

– Надеюсь, «Макдоналдс» еще открыт, – пробормотала Настя, подивившись, как хрипло и незнакомо звучит ее собственный голос.

Она подумала о «Макдоналдсе», но стоило ей только представить свою любимую жареную картошку, как ее отчетливо замутило.

– Не советую даже пробовать, – послышался мужской голос.

Настя испуганно вздрогнула и взглянула на говорившего.

Полноватый мужчина с круглым лицом сидел на металлической ограде и с явным любопытством глазел на нее. И ботинки с пуговицами, и полосатый костюм, и шейный платок, и усики – все было на месте. Но это значило...

– Да, юная барышня, ваша проницательность, как я уже говорил, делает вам честь. Это действительно значит, что все случившееся не привиделось вам в вашем очаровательном кошмаре, а произошло наяву. Если, конечно, вы не придерживаетесь той милой теории, что наша жизнь вообще является сном какой-нибудь никчемной бабочки-капустницы, присевшей в жаркий полдень на цветок ромашки.

Настя ощупала себя руками. Вроде бы ничего не изменилось.

– А что... – спросила она, – я уже... ну... – она растерялась, не решаясь произнести слово, – ну, в общем, обряд уже прошел?

Вампир с досадой хлопнул себя по лбу, всем своим видом демонстрируя, что забыл о чем-то важном. К нему снова вернулся все тот же дурашливый вид, но теперь, когда девушка помнила его другим, она могла видеть не только шутовскую маску, но и краешек того, что скрывалось под ней. И это была бездна. Опасная и вместе с тем притягательная.

– Вот старый олух! – воскликнул он, горестно качая головой. – Забыл! Совсем забыл! Вот где сказываются годы! – да что там – десятки лет, проведенные в неблагоприятных условиях! Про самую главную часть ритуала я и позабыл!

Девушка замерла, ожидая, что сейчас произойдет нечто страшное и эпическое...

А вампир меж тем, словно заправский фокусник, завел руку за спину и... вытащил красный воздушный шарик.

– С ночью рождения! Хеппи бездей ту ю-у! – фальшиво пропел он.

У нее не осталось сил терпеть эти издевательства. Она нахмурилась и, отвернувшись, зашагала по аллее. Неужели она умерла? Не может быть! Вот она двигается, ходит... Девушка подняла руку, чтобы убедиться в том, что та подчиняется ей. Так и есть, все в порядке. Разве она мертвая? Настя просунула руку под куртку и попыталась пощупать, бьется ли у нее сердце. Девушка не ощутила биения, но это еще ничего не значило. В конце концов, она могла стать жертвой мистификации, глупого розыгрыша.

– Кто сказал, будто я мертвая?! Вовсе я и не мертвая! – прошептала она себе под нос, идя прочь.

Но не успела она пройти и десятка шагов, как снова увидела перед собой вампира в полосатом костюме.

– Негоже столь юной барышне быть такой вопиюще невежливой, – укоризненно погрозил пальцем он. – Где ваше уважение к старости? Хотя бы спасибо сказала! А она, видите ли, обиделась, задрала хвост, как корова, и вперед!..

– Вы надо мной смеялись! – обвиняюще произнесла Настя.

– Ну да, милая, а вы ожидали, что вам тут же преподнесут корону с черными бриллиантами и провозгласят королевой вампиров? Кровь еще на губах не обсохла – а все туда же! Все мы такие гордые! Впрочем, кто старое помянет, тому в сердце кол, – примирительно произнес он. – Прости уж старика, не привыкшего жить без улыбки. Ну что, мир? – Вампир заглянул ей в глаза. На его румянном лице красовалось самое искреннее и простодушное выражение, которое сделало бы честь любой добропорядочной овечке.

– Мир, – пролепетала девушка, в очередной раз совершенно сбита с толку.

– Вот и прекрасно! – обрадовался старик, потирая пухлые ручки. – Чувствую, у вас, милая, появились вопросы и сомнения. Не расстраивайтесь. Это так по-человечески. У вас вообще осталось пока много пережитков прошлой жизни. О счастливая пора вампирской юности! Как же не любить тебя! – Вампир делано вздохнул и покачал головой с видом поэта, стоящего на краю обрыва и с патетической грустью подводящего итог своей брэнной жизни. – Это время, когда весь мир лежит у твоих ног, и притом ты еще не забыл, как плакать и смеяться, умеешь грустить и волноваться из-за всяких пустяков... Ах, молодость, молодость... – Он на секунду замолчал, а потом скосил на Настю хитрый глаз и продолжил: – Впрочем, это чистая лирика. А теперь внимание, мой неразумный котенок, я научу тебя ловить мышей!..

– Все, что умеет вампир, происходит прежде всего в его голове, – объяснял Насте учитель, сидя на пустой автобусной остановке. – Если хочешь, чтобы тебя не замечали, тебе сначала самой нужно поверить в то, что ты невидимка. Если хочешь спокойно поужинать – будь добра излучать доброжелательность, уверенность и спокойствие. Еда должна воспринимать все происходящее как должное – только тогда она с готовностью отдаст тебе свою кровь. Но спугнешь ее – и тут начнется! Вопли, ахи, беготня – как в плохих фильмах ужасов. Оно тебе надо?

Настя согласно покивала головой и сглотнула. Есть хотелось все больше и больше.

– Ну ладно, барышня, толку от вас все равно сейчас мало. Продолжим разговор, когда подкрепитесь. Ага... как раз ваш выход...

В это время перед ними остановился полупустой автобус, и оттуда показалась женщина в светлом пальто, с большой сумкой в руках. Она казалась ровесницей Настиной мамы. Быстро оглянувшись по сторонам, проходящая торопливо зашагала в сторону домов, стуча по асфальту каблучками.

Настя испуганно и нерешительно взглянула на учителя.

– Ну давай же! – подбодрил старый вампир. – Подходишь, глядишь на нее, и когда у нее взгляд остекленеет, осторожно прокусываешь вену и пьешь. Это легко. Просто доверься своим инстинктам. Поняла?

Девушка неуверенно кивнула и двинулась вслед за женщиной. Услышав шаги, та испуганно оглянулась и зашагала быстрее. Настя тоже ускорила темп и вскоре, догнав незнакомку, забежала вперед и остановилась перед ней.

– Тебе чего, девочка? – спросила та. В голосе сквозили нотки страха.

Настя слышала биение ее пульса, видела тонкую жилку на шее, полуприкрытую шифоновым шарфиком леопардовой расцветки. Все это сводило ее с ума, кружило голову. Девушка чувствовала, как дрожат ее руки... Это какое-то наваждение!..

– Нет, ничего, – выдавила она и отступила.

Женщина, обойдя ее по большой дуге, двинулась дальше. Но ушла недалеко. Настя видела, как из темноты перед ней выступил старый вампир в полосатом костюме, и та застыла, безвольно обмякнув.

– Ох и молодежь пошла! Все им подай, все принеси! – ворчливо пробормотал он. – Вот в наше время кто сам себе еды не добыл, тот сиди голодный... Ладно, подходи уж, на первый раз... Козлятушки, ребятушки, подходите-ка, подкрепитесь-ка! Ваш учитель пришел, свежей кровушки принес! – гнусаво пропел он и тут же, по-гусарски щелкнув каблуками щегольских ботинок на пуговицах, отрапортовал: – Ужин готов! Прошу к столу!

Настя подошла, со страхом глядя в пустые бессмысленные глаза жертвы. Женщина, судя по всему, возвращалась с работы. У нее было уставшее бледное лицо и уныло опущенные уголки рта. Еще не очень старая, примерно как Настина мама, но измученная и какая-то потухшая.

Учитель недоуменно приподнял брови.

– Нет! Не буду! Я не могу! Не могу! – крикнула Настя и, не разбирая дороги, бросилась прочь.

Она бежала, и ветер свистел в ушах, а сердце болезненно сжалось и ледяным комочком упало куда-то в пятки. Неужели она, Настя, и вправду чуть было не выпила кровь у человека? Какой ужас! Бледное лицо той женщины наверняка будет теперь являться ей в кошмарах!

Поняв, что ее никто не преследует, Настя перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась. Желудок скрутило, словно белье в стиральной машинке. Больно, очень больно! Девушка села на бордюр и заплакала. Страх, одиночество, горечь, обида переполняли ее. А еще... это назойливое сосущее чувство. Голод. Раньше она никогда не ощущала его так остро... Что изменилось в ней после того, как она стала вампиром? Ничего. Все то же отчаяние, все те же слезы. Настя помнила о том, как она сидела на таком же бордюре еще до встречи с учителем. Неужели это какое-то страшное проклятие и все навсегда останется по-прежнему?! Нет, кое-что стало иным. Из рта не вырывается облачко пара, руки и ноги не мерзнут, тело стало каким-то странным, легким и послушным. Да и мир вокруг неуловимо изменился: и краски, и звуки воспринимаются теперь по-новому, а ночь стала светлее и словно бы дружественнее. Это было удивительное ощущение: Настя ощущала себя и живой, и мертвой одновременно.

И тут девушка почувствовала, что на нее кто-то смотрит... Настя подняла взгляд и заметила грязную дворовую собаку – пегую, со свалывшейся шерстью и красными слезящимися от старости глазами. Собака смотрела на нее испуганно и вместе с тем с жалостью.

Не помня себя, девушка рванулась к ней и вцепилась зубами в лохматую грязную шею. Собака коротко взвизгнула и замолкла.

Кровь... живая горячая кровь потоком устремлялась в горло, наполняя собой измученное тело. Это была сама жизнь – сама квинтэссенция жизни. Вместе с густой, чуть солоноватой жижей вливались новые силы. Насте еще ни разу не доводилось пробовать такой странный напиток. В нем были тысячи оттенков вкуса, раскрывающиеся с каждым жадным глотком, словно бутон многолепестковой розы. Глоток... еще глоток! Она буквально не могла оторваться...

Где-то хлопнула дверь подъезда. Настя вздрогнула и пришла в себя. Она вдруг осознала, что находится на улице, возле помойки, держа в руках остывающее тело собаки. Старой собаки, которая еще недавно смотрела на нее так понимающе и жалостливо.

Девушка в ужасе отпрянула, но тут же упала на землю, сотрясаемая приступами тошноты. Так омерзительно плохо ей еще не было.

Полежав на земле и утерев грязным рукавом куртки рот, испачканный засыхающей кровью, Настя с трудом поднялась. Ноги и руки дрожали. Так и ходили ходуном.

Во что же она превратилась?! И главное – что теперь делать? Как могла она, спокойная домашняя девочка, которая никогда не приходила домой позже десяти и избегала шумных дурных компаний, очутиться здесь, в этом грязном дворе, и жадно пить кровь живого существа?.. Как и когда она стала безжалостным убийцей?..

Ноги заплетались, и каждый шаг давался Насте с трудом... Она шла, понунив голову, чувствуя на плечах тяжесть всего мира. Одна, совсем одна. И только тусклая монетка-луна подмигивала ей из-за облаков.

«Я сотку себе крылья из звезд и зари...» Этот голос Настя узнала бы из тысячи. Она подошла поближе и остановилась у чужого окна, чтобы послушать. Песня доносилась из зала. Через окно Настя ясно видела теплый мягкий свет свечей, столы, заставленные едой, людей – мужчин и женщин в вечерних нарядах – и наконец, круглую сцену, а на ней – он, мальчик с гитарой.

Острое чувство зависти кольнуло девушку в самое сердце. Отчего мир устроен так несправедливо? Те люди за стеклом казались беспечными и довольными жизнью. Они пили, смеялись, танцевали, глазели на сцену, и никому из них не было дела ни до Насти, ни до ее проблем.

Девушка огляделась и поняла, что находится перед входом в клуб «Олимп», как гордо сообщало светящееся табло.

У дверей стояли охранники, проверяя у входящих пригласительные билеты. Очевидно, это была закрытая вечеринка.

«Я должна попасть внутрь и увидеть его», – подумала Настя, сглатывая горькую слюну. Но как пройти? Она оглядела себя. Забрызганная кровью куртка, грязные джинсы, порванные на коленке, да и лицо наверняка такое, что смотреть страшно. Одна надежда на то, что ей говорил сумасшедший вампир. Нужно только представить, будто тебя нет, и смело идти мимо охранников.

Девушка на минуту закрыла глаза и сосредоточилась. Как говорилось в одном известном фильме, нужно видеть цель и не замечать препятствий. Цель у нее есть. Еще какая! Не ради ли нее она решительно порвала со своей прошлой спокойной и размеренной жизнью?! Разве иначе она бы окунулась в этот кошмар?

«Меня здесь нет. Я умерла и больше не существую», – сказала себе Настя и решительно направилась ко входу в клуб.

Она уже почти прошла, но рука охранника неумолимо перегородила дверь прямо перед ее носом.

– Вали отсюда, а?

Он смотрел на нее презрительно и лениво, а челюсти сжимались и разжимались – охранник жевал жвачку, и Насте от этого стало дурно.

– Впустите, – попросила она жалобно.

– Вали отсюда! – повторил охранник, многозначительно кладя ладонь на рукоять резиновой дубинки.

Все это было слишком похоже на дурной сон, и Настя опасливо попятилась. Все опять пошло прахом. И почему с ней всегда так?! Нет бы повезло один-единственный раз в жизни!..

– А для этого, юная барышня, надо больше слушать старших! – ехидно произнес знакомый голосок прямо ей в ухо.

Вампир в полосатом костюме стоял за ее левым плечом. Правду, что ли, говорят о том, что за правым плечом у человека его ангел-хранитель, а за левым... ну сами знаете кто. Девушка взглянула направо. Так и есть – никого, только пустая, подсвеченная фонарями улица. Ее ангел-хранитель давным-давно взял бессрочный отпуск и занялся чем-то более важным и значимым, чем вопросами, связанными с ее не нужной никому жизнью.

– Не драматизируйте, милая, – снова усмехнулся ее новый учитель, – хотите попасть внутрь – без проблем. Вот смотри и учись, как это делается.

Он пошарил в кармане, вытащил рекламное объявление о распродажах в каком-то магазине и довольно оглядел его.

– Прекрасно... Именно то, что нам нужно! – заявил вампир с гордостью.

Настя тоже посмотрела на бумажку в его руках.

– «Торговый центр «Супер». Грандиозные скидки», – с удивлением прочла она. – И чем же это нам поможет?

– Пойдем, – вампир, не удостоив девушку ответом, потянул ее ко входу в клуб.

Настя внутренне сжалась. Быть дважды с позором выставленной из одного и того же заведения – это чересчур, пожалуй, даже для нее. Однако учитель не проявлял ни малейшего признака волнения. Он приблизился к дверям и с достоинством протянул секьюрити рекламу. Настя даже зажмурилась, ожидая неминуемого скандала. Но когда она открыла глаза, увидела, что оба охранника стоят перед ними навтыжку.

– Это со мной. Моя ученица. Очень перспективная девочка, – вампир небрежно кивнул в сторону Насти.

– Да, конечно, проходите, пожалуйста! – Охранники засуетились, раболепно придерживая для входящих дверь.

В клубе проходила какая-то закрытая вечеринка. У входа висели гроздья воздушных шаров, все дамы были в вечерних нарядах, а мужчины – в костюмах.

Настя сдала куртку в гардероб и осталась в грязных джинсах и черной водолазке. Как раз подходящий наряд для торжества.

– Ну, деточка, развлекайся, – вампир покровительственно похлопал ее по руке и исчез в толпе гостей до того, как девушка успела сказать хотя бы слово.

Разряженные дамы шарахались от нее, кто-то глазел, кто-то хмыкал, и Настя поспешила укрыться в туалете. Остановившись у зеркала, она взглянула на свое отражение. Хорошо, кстати, что вампиры все-таки отражаются в зеркалах. Или плохо. Потому что стоило Насте взглянуть на себя, как ее самооценка, и без того весьма невысокая, стремительно ухнула вниз. Полюбоваться действительно было на что. Рыжие волосы растрепаны и выглядят так, как будто их не мыли целый месяц, лицо бледное, на щеке кровавый отпечаток ладони, губы и подбородок испачканы кровью и грязью и глаза... такие дикие, необычные...

Настя включила воду, сунула под струю лицо и принялась яростно тереть подбородок и щеки.

В это время дверь распахнулась, и в помещение вошла роскошная блондинка в длинном темно-зеленом платье, оголявшем спину. Мельком взглянув на Настю, она достала из крохотной сумочки огромную косметичку и принялась подправлять макияж.

Настя смотрела на эту ухоженную холеную девицу и ненавидела ее всем сердцем. На красивом кукольном лице не было заметно ни тени мысли, ни следа эмоций. Ну конечно, у этой девушки было все, что нужно, и ей не доводилось в отчаянии бродить по темным улицам города и думать о том, чтобы свести счеты с жизнью! Наверняка все ей подносилось буквально на блюдечке, только помани безукоризненно наманикюренным пальчиком. Легко быть красивой, когда на тебе роскошное платье и килограмм косметики... Настя скосила взгляд на разложенные перед незнакомкой тюбики и футляры... от Диора. Незнакомка ее раздражала. Чем она лучше Насти? Если принимать во внимание, сколько Насте пришлось пережить, чтобы попасть сюда, было бы вполне справедливо, если бы они с девицей поменялись местами...

«А ведь мы с ней примерно одного сложения... – подумалось ей. – Интересно, ей подойдут мои драные джинсы?.. А что, вполне себе эксклюзивный наряд. В бутике такого не найдешь!»

– Девушка! – решительно окликнула Настя прихорашивающуюся красотку.

– Вы мне? – Та недоуменно, будто на неизвестное науке насекомое, взглянула на Настю.

– Да, вам. У меня есть для вас совершенно эксклюзивное предложение. Только сегодня аттракцион неслыханной щедрости, – невольно повторила она слова своего учителя.

Девушка хлопала тщательно покрашенными ресницами и непонимающе смотрела на Настю.

– Видите мой наряд? – Настя указала на водолазку и рваные джинсы. – Так вот, только сегодня я готова обменяться с вами одеждой. Да, да, не удивляйтесь. Я отдам свой исключительный, не знающий аналогов наряд в обмен на ваше платье.

Настя говорила горячо и вдохновенно. А что, ведь это была абсолютная правда. Разве доводилось ей когда-либо видеть *такое* хоть на ком-то? Суперэксклюзив.

– Вы не шутите? – переспросила незнакомка, и на ее безупречно гладком лбу пролегла складка, отразившая тяжелую работу мысли. – Вы и вправду готовы поменяться со мной одеждой?

– Да, милая, – Настя опять бессознательно скопировала интонацию, с которой говорил с ней учитель. – Разумеется, если вы еще позволите мне воспользоваться вашей косметикой. Так случилось, что я забыла свою дома, – пояснила она.

Ну все, главное сказано. Сейчас девушка презрительно рассмеется или хуже того – позовет охрану... Но незнакомка вдруг улыбнулась.

– Я согласна! – поспешно кивнула она.

– Тогда по рукам. Кстати, как тебя зовут?

– Марина, – ответила та, стягивая через голову платье.

Минуты через три Настя стояла перед зеркалом уже в новом наряде. Он удивительно шел ей, подчеркивая все достоинства фигуры и красиво облекая грудь и бедра. Фасон оказался настолько удачен, что талия казалась прямо-таки неправдоподобно тонкой.

– Вот еще туфли! – Девушка сунула Насте свои туфли на высоченной шпильке.

Настя примерила их. Нога еле влезла. Узковаты, но неудобства не чувствовалось совершенно. Новое тело вообще, похоже, не реагировало на многие раздражители – в том числе и на боль. «А была бы человеком, от боли не ступила бы и шагу. Выходит, и у перевоплощения в вампира есть свои достоинства», – подумала девушка, пройдясь по туалету.

Чуть-чуть тонального крема, румяна на бледные щеки, тонкие стрелки, очерчивающие линии глаз, темная блестящая помада... Из зеркала на Настю смотрело совершенно другое лицо. Это было лицо сказочной принцессы, спешащей на свой первый бал, полное тайны и счастливого ожидания. Настя подумала, что то новое выражение, которое появилось в ее глазах, прекрасно дополняет ее сегодняшний облик, делает его еще более женственным и романтичным. Она причесала волосы и невольно залюбовалась собой – как же приятно чувствовать себя красивой! С позорной нищетой покончено навсегда. Теперь у нее будут и дорогие платья, и украшения с бриллиантами – все, что ей только захочется! Быстро и на золотом блюде!

Тем временем Марина, облачившись в грязные джинсы, кроссовки и водолазку, тоже разглядывала свое отражение и, судя по всему, испытывала при этом ничуть не меньшее удовольствие.

– Слушай, а клево, что мы с тобой встретились, – сказала она Насте, в очередной раз поворачиваясь перед зеркалом. – Прикольный прикид. Все наши будут в восторге. А Наташа... ну, сегодняшняя именинница... вообще помрет от зависти. Ведь правда?

– Ага, непременно, как только тебя увидит – так сразу и помрет, – подтвердила Настя, не испытывая к блондинке и грамма сочувствия. Ей только на пользу.

– Ну все, я пошла! – Марина надула губки и скрылась за дверью.

Настя, чуть помедлив, двинулась за ней, но, едва выглянув наружу, тут же снова поспешила укрыться за дверями туалета: прямо перед ней стояла компания из трех девиц, и все они ошеломленно пялились на Маринины обновки. Ну сейчас начнется!..

Прислонившись ухом к двери, Настя напряженно слушала.

– Совершенно эксклюзивно!.. Вы только взгляните! – доносился до нее высокий Маринин голос.

– Да, здорово! – неожиданно отозвалась другая девушка.

– А тебе идет!

– А ты не знаешь, где можно достать что-нибудь подобное?

Настя не верила собственным ушам. Как легко! Боже мой, как легко оказалось запудрить этим глупым куклам мозги! Или это действие ее вампирского таланта, или они совершеннейшие идиотки, но, скорее всего, и то и другое.

Глава 4

Танец на краю пропасти

Уже ничуть не сомневаясь, Настя открыла дверь и прошла мимо компании девиц в полутемный зал. Ей казалось, что все мечты сбылись и она стала Золушкой, отправившейся на свой первый бал. Все так и было – цветы, зажженные свечи и самое главное – настоящий сказочный принц.

Он стоял на сцене – русоволосый мальчик в свободной белой рубашке и узких кожаных штанах. Его теплые горчично-медовые глаза задумчиво смотрели в зал. Тонкая шея беззащитно выглядывала из-под распахнутого ворота легкой рубашки, длинные узкие пальцы бережно сжимали микрофон. Он казался таким хрупким и таким сказочным, будто ненастоящим. Наверное, таких просто не могло быть на свете!

– Спасибо, что слушали меня с таким вниманием! – проговорил он в микрофон, мимоходом улыбнувшись – немного иронично, немного грустно, и у Насти защемило в груди: разве можно выставлять его, такого ранимого, на потеху толпы... Все эти люди, которые собрались сейчас в зале, наверняка слушали его вполуха, ели и разговаривали... Он бросил им под ноги собственное сердце, а они даже не заметили этого!

– В завершении моего маленького выступления я хотел бы еще раз поздравить очаровательную именинницу. Следующую песню я посвящаю ей. Если в этом зале есть люди, которых уже давно тянет друг к другу, это отличный шанс сделать шаг и пригласить на танец свою половинку. Пожалуйста, не откладывайте это. Если долго медлить, можно опоздать. А я сам хотел бы пригласить прекрасную...

Время словно замедлилось. В груди у Насти полыхнул огонь. Сейчас – или никогда! Все, что произошло с ней сегодня, казалось слишком ужасным, но теперь она забыла обо всем. Был только он – грустный мальчик с гитарой, похожий на белокрылого ангела, и она, глядящая на него из полутьмы зала.

Краем глаза девушка заметила, что светловолосая девушка в сияющем золотом платье, которую она видела сегодня в переходе, очевидно хозяйка праздника, уже поднялась, не сомневаясь, кого пригласит на танец исполнитель... И тогда Настя решительно шагнула вперед – туда, куда падал луч света. Она взглянула прямо в его глаза и увидела, как в них тенями метнулись удивление, недоверие, радость – такая яркая, сияющая радость, какой ей еще не приходилось видеть... Он замолчал. Насте показалось, что все гости сейчас смотрят только на них! Могла ли она представить себе такое когда-нибудь в прошлой жизни?!

– ...Прекрасную леди в зеленом, – он решительно протянул руку и улыбнулся – только ей! Только Насте!

Сердце мячиком подпрыгнуло в груди и забилось. Кажется, впервые с тех пор, как она стала вампиром, Настя ощутила себя абсолютно живой и почувствовала, что у нее и вправду бьется сердце. А еще она знала, что невероятно красива. Именно в этот момент – оттого, что сама она стала другой, оттого, что решилась сделать шаг, оттого, что он на нее смотрел.

Не слыша ничего, кроме биения собственного сердца, Настя поднялась на сцену. Теплые руки ее принца коснулись Настиной холодной кожи там, где ее спина была открыта глубоким вырезом платья. Его прикосновение обожгло и ошеломило ее.

– Вы замерзли! Вы холоднее снега! Позвольте мне немного согреть вас, – шепнул он ей, и от его живого дыхания взметнулась рыжая прядка волос у ее виска.

А потом он запел. Настя уже не слышала слов. Ей казалось, что от теплоты его голоса, от мягкого блеска медовых глаз ей и вправду становится теплее. Они кружились по сцене, словно в старой-престарой сказке, и во всем свете не было больше никого – ни жующих

гостей, ни бесшумных вышколенных теней-официантов. Только он и она – во всем огромном мире. Он – ее принц, она – его принцесса.

От него и пахло совершенно по-особенному. Настя сейчас четко ощущала все запахи и с легкостью могла разделить запах его парфюма и запах его кожи, а еще тот сладковатый, удивительно приятный и завораживающий запах... Его волна достигала ее обоняния с каждым сокращением его сердечной мышцы, когда в вороте рубашки чуть вздрагивала на белой шее тоненькая синяя жилка. Девушка вдруг ощутила огромное желание припасть к этой белой шее и жадно вдохнуть в себя весь этот запах, почувствовать его тепло всем телом, всем горлом! Внутренности тут же свело судорогой, во рту Настя почувствовала зуд и ужасную сухость – как будто в горло насыпали песка и ей срочно нужно, нет, необходимо хоть каплю живой влаги... Она прильнула к плечу своего партнера и почувствовала, как его рука нежно скользит по ее распущенным волосам. Девушка закашлялась.

О боже! Неужели она едва не убила его, как ту облезлую бродячую собаку?! Настя зажмурилась, а когда открыла глаза, взгляд ее упал на сидящего в зале учителя. Вампир в полосатом костюме расположился за одним из столиков, стоящим у самой сцены. Он сидел между двумя симпатичными девушками – блондинкой и брюнеткой, похожими, как две куклы Барби, – и, глядя на Настю, ехидно улыбался.

– Знаешь что, милая Золушка, – он улыбнулся, барабанив по столу затынутыми в белую перчатку пальцами, – тебе вовсе не обязательно есть своего принца. Это, моя дорогая, ваш личный выбор. Люди по натуре хищники, однако некоторые из них, к примеру, не едят мяса. Так почему бы вам не явить всему миру образец вампирской добродетели? Так сказать, гений чистой красоты?.. Хотя, между нами, ваш принц такой милашка... Ммм... Так бы и съел! – Он щелчком расправил шейный платок и подмигнул Насте. Голос учителя был таким громким, как будто вампир находился совсем рядом.

Девушка вздрогнула от ужаса. Как он может говорить такое, тем более что их все слышат!..

Она перевела взгляд на своего партнера. Нет, он наверняка ничего не слышал, иначе в этих ясных медовых глазах стояли бы сейчас ужас и отвращение...

Люди в зале тоже вели себя так, словно не слышали слов вампира. Никто не тыкал в говорившего пальцем, никто не бежал в панике прочь... Настя прислушалась. Говорили о ней.

«Кто это?», «Откуда взялась?», «Наташа, это твоя подружка?» «Кто же ее пригласил?» – перешептывались за столиками. И Настя слышала их всех, несмотря на громкую музыку.

«Должно быть, это тоже особые вампирские способности, – подумала девушка. – Как жаль, что я впустую потеряла целых семнадцать лет! Что было в моей жизни? Ничего! Что я умела, чем отличалась от других? Ничем, ничем, ничем! Но теперь-то... Теперь передо мной открываются новые горизонты! Как же все удачно!»

Задумавшись, Настя не сразу поняла, что музыка закончилась и ее партнер смотрит на нее, улыбаясь.

– Спасибо за танец, прекрасная незнакомка! – Он склонился перед Настей и осторожно поцеловал ее руку. – Могу ли я узнать ваше имя?

Еще вчера Настя умерла бы от счастья, только услышав эти слова. Но сегодня... наверное, дело в том, что она и так уже умерла. Поэтому она взглянула прямо в медовые глаза и, улыбнувшись, назвала свое имя.

– А я – Вадим. Не уходи никуда, Настя! – шепнул он. – Я сейчас, только переоденусь. Обещай, что ты никуда не уйдешь! Я очень боюсь, что вот только отвернусь – а тебя уже не будет!

– Я дождусь. – Под устремленными на нее любопытными взглядами Настя спустилась в зал. Она хотела подойти к своему учителю, но блондинка и брюнетка, между которыми он

еще недавно сидел, оказались сидящими вплотную друг к другу, они, хихикая, пили коктейль из одного бокала.

Кажется, Настя уже начинала привыкать к причудам старого вампира. Интересно, к старости у всех вампиров едет крыша или это, так сказать, индивидуальные особенности?..

Девушка направилась в самый темный угол зала, но вдруг услышала за спиной торопливый перестук каблучков. Мгновенно развернувшись, она приготовилась встретить опасность лицом к лицу и увидела блондинку в золотом – хозяйку вечеринки, кажется, ее звали Наташей. Девушка была взволнована, и Настя поняла, что та не совсем трезва.

– Я тебя не знаю, – сказала Наташа, немного нахмурившись, и пьяно покачнулась на тоненьких каблучках золотых, под цвет платья, туфель.

Настя равнодушно пожала плечами.

– Ты с кем пришла и вообще как сюда попала? – Рука именинницы нервно комкала тоненький газовый шарфик.

– Мне кажется, милая барышня, что вас волнует вовсе не это, – усмехнулась Настя, осторожно отступая на шаг к стене. – Может быть, дело в уязвленном тщеславии?

– Не кривляйся и не строй из себя дурочку. И ответь все-таки, как ты попала сюда, на мой день рождения?

– Она пришла со мной. Я ее пригласил, надеюсь, ты не против?

На Настино плечо опустилась горячая сильная рука. Интересно, почему каждое его прикосновение словно обжигает ее? Наверное, все дело в гормонах. Интересно, влияют ли на мертвых гормоны – вот в чем вопрос.

– Ах так... – растерялась именинница. – И где ты познакомился с этой... девицей?

– В подземном переходе, – Вадим с улыбкой взглянул на Наташу и повернулся к Насте, собираясь увести ее прочь.

– погоди! – Щеки именинницы уже пылали. – Мы здесь все свои, кроме нее, – она небрежно кивнула на Настю. – Я, например, знаю тебя с детства... То есть хочу сказать... В общем, послушай, она тебе не пара! Я чувствую! Ни по положению, ни по характеру, ни по душевным качествам. Ты необыкновенный человек...

Она не смотрела на Настю и, не смущаясь, говорила о ней в третьем лице.

– Наташа, – Вадим мягко положил руку на ее плечо. – Не надо. Иди к гостям. Посмотри, тебя уже ждут...

– Нет! Я должна сказать тебе, что не допущу, чтобы она была рядом с тобой! Как же ты не видишь, это же просто какое-то чудовище!.. Держись от нее подальше! Я чувствую...

– Ммм! Что может быть лучше, чем съесть своего принца?! – услышала Настя знакомый голос у своего уха. – А для начала свернуть шею этой наглой пигалице. А то, поглядите, расчувствовалась тут! Свернуть ей шею – и делу конец!

Настя нервно вздрогнула и, обернувшись, увидела учителя. Тот подкрался к ней на цыпочках и теперь улыбался, приложив в предостерегающем жесте палец к ротику-пуговке.

– Извини, Наташа, нам пора. Мы уже собирались уходить. Еще раз с днем рождения, – говорил тем временем Вадим.

– Он слишком хороший, чтобы жить, ведь верно? – комментировал вампир.

– Пойдем, – Вадим взял Настю за руку и повел к выходу.

Она оглянулась. Учителя уже не было.

Когда Настя и Вадим вышли из зала, девушка повернулась к своему спутнику.

– Так ты узнал меня? – спросила она, ошеломленно глядя в его глаза.

– Конечно. Ты та девушка, что приходила послушать мои песни. Я, между прочим, когда понял это, специально выбирал для тебя свои самые любимые.

– Но я думала, ты меня и не замечаешь... – Настя оперлась локтем о стойку гардероба и теперь разглядывала в большом зеркале отражения – свое и Вадима.

– Скажешь тоже! Тебя просто невозможно не заметить! Рыжая, глаза – как сумасшедшие звезды... Я даже хотел к тебе подойти, но ты убежала. Помнишь?

Настя смутилась.

– Когда ты шагнул ко мне, я подумала, что ты хочешь меня прогнать, – призналась она, чувствуя себя последней душой.

Неужели нужно было умереть, чтобы понять, что от счастья ее отделял один-единственный шаг?! Что все то, что она сделала ради своей любви, было ненужным и лишним. Это воистину забавный парадокс – ей пришлось умереть, чтобы решиться заговорить с ним. И еще сегодня, когда она стояла в подземном переходе во власти безнадежного отчаяния, еще тогда все можно было изменить. Просто сделать шаг навстречу ему... Неужели это было только сегодня? Насте казалось, что с того момента прошла целая вечность. Как жаль, что жизнь не похожа на компьютерную игру, в которой если сюжетный поворот тебя не устроил, можно вернуться к предыдущему сохранению и отыграть сцену заново. Хотя постойте, а что, собственно, плохого в том, что случилось? Пока что все исключительно хорошее! Разве раньше она смогла бы попасть на чужую вечеринку, получить чужое платье и так легко разговаривать с Вадимом?

– Ну конечно, милая барышня, все исключительно к лучшему! – Учитель стоял в двух шагах от Насти и, насмешливо склонив голову, разглядывал проходящих мимо девушек. – Кстати, если будешь все-таки пить кровь своего принца, не забудь для начала задурить ему голову. Так будет сподручней. Ты же научилась дурить головы?..

– Отстаньте от меня! Слышите, отстаньте! – зло крикнула Настя, в раздражении царапая ногтями лакированное дерево гардеробной стойки.

– Ты это мне? – удивился Вадим, и лицо его стало в точности таким, как у несправедливо обиженного щенка.

– Нет, не тебе. Ему, – Настя кивнула в сторону старого вампира.

Вадим оглянулся. Когда он снова посмотрел на Настю, в его глазах светилась неприкрытая тревога:

– С тобой все в порядке? Там же... там никого нет.

Учитель действительно исчез. Или его и не было?..

– Извини... Устала... День сегодня был очень длинным, – пробормотала Настя, глядя в пол.

– Это точно. Бери свое пальто, и идем. Я подвезу тебя на машине.

Настя протянула гардеробщику номерок, и тот принес ей куртку.

За всеми событиями вечера девушка совсем позабыла, как выглядит ее одежда, и теперь с долей удивления смотрела на грязную, покрытую бурыми пятнами куртку, которую протягивал ей мужчина в форменной одежде.

Вадим тоже смотрел на нее с искренним изумлением.

– Это не моя. Вы перепутали, – заявила Настя.

Ну конечно, разве может у такой примерной девочки, как Настя Потемкина, отличницы, ученицы одиннадцатого «Б», быть такая куртка? Разумеется, нет!

– Посмотрите рядом. Вы, должно быть, перепутали, – сказала девушка, глядя прямо в глаза гардеробщику.

Тот неуверенно потоптался на месте, ушел в недра гардероба и вскоре вернулся, неся короткую шубку, как с ужасом поняла Настя, из стриженной норки. Шубка была совсем новенькой и удивительно изящной.

– Простите, пожалуйста, – забормотал гардеробщик, помогая Насте надеть чужую шубку. Что и говорить, к чужому платью она подходила гораздо лучше.

Стараясь не думать о том, что будет, когда истинная владелица шубки получит вместо нее окровавленную куртку, Настя улыбнулась Вадиму и вместе с ним вышла из клуба.

Он молча открыл перед ней дверцу маленькой серебристой спортивной машины. Настя совершенно не разбиралась в автомобилях, но даже она понимала, что стоит это чудо должно непомерно дорого.

Вадим сел за руль, хлопнув дверцей, и повернул в замке ключ зажигания.

– Вижу, что петь в переходе – очень прибыльное дело, – заметила Настя, устраиваясь на мягком кожаном сиденье.

– А я вижу, что на тебе чужая одежда. Эта шубка принадлежит Маше Лемеховской, лучшей подруге Наташи... то есть именинницы... И еще – я узнал твою куртку... – Он помолчал. – Но это твоё дело. Так куда тебе?

Настя автоматически назвала свой домашний адрес, и машина тронулась с места.

Минут пять они ехали в полной тишине.

– На самом деле, – сказал Вадим, заворачивая на Настину улицу, – эту машину подарил мне папа. Я бы, может, и не взял, но надо же как-то в институт ездить. Я в Москве на первом курсе медицинского учусь, а в переходе играю вовсе не ради денег... – Он еще немного помолчал и добавил: – Знаешь, музыка делает мир добрее, она пробуждает в людях мечту и зовет их к звездам. Мне... – Он запнулся, но потом решительно продолжил, – я не имею права жить только для себя... Странно, что я рассказываю это тебе. Ведь мы фактически незнакомы...

– То, как ты говорил о музыке, и то, как ты играешь, свидетельствует о том, что ты действительно ее любишь... Наверное, ты понравился бы моей учительнице в музыкалке.

– А ты учишься в музыкальной школе? – оживился Вадим.

– Училась. Хотя не скажу, чтобы успешно... – Настя впервые за этот вечер вдруг вспомнила о несостоявшемся концерте и чуть не расхохоталась. Как же это было по-детски! Как незначительно и глупо! Распсиховаться из-за того, что какая-то жирная тетка заявила, будто у нее, Насти, нет таланта, и не допустила ее участвовать в концерте! Подумаешь, трагедия!..

– Пустяки. Я знаю, ты чувствуешь музыку. Тебя просто неправильно учили! – горячо возразил Вадим.

– Ага, – равнодушно кивнула Настя. Кажется, старые проблемы больше ее не волновали.

Они замолчали. Вадим вел машину, искоса поглядывая на свою спутницу.

Ну конечно, он объяснился. Наверное, теперь ее черед быть откровенной.

– А ты, конечно, хочешь, чтобы я рассказала, почему взяла чужие вещи и отчего моя куртка забрызгана кровью, – сказала Настя, искоса глядя на правильный профиль молодого человека. Полутьма в машине делала его еще более загадочным и прекрасным. – Все просто. Дело в том, что сегодня я умерла, а потом стала вампиром.

Вадим резко вдавил в пол педаль тормоза. Машина дернулась так, что Настя едва не ударила головой о лобовое стекло, и остановилась.

– Мне не по душе твои шутки! – резко повернулся к ней Вадим.

– Почему шутки? – Настя тоже посмотрела на него.

– Потому что. Со смертью не шутят. Ты знаешь, что такое смерть? Я вот знаю. У меня был лейкоз. В детстве. Постоянная боль, тошнота, головокружение. Ты представляешь, что такое для ребенка жить с постоянной болью? Я почти ни с кем не общался и целыми днями слушал, как бабушка читает мне книги, или пялился в окно. Пересадка тканей, химиотерапия – ничего не помогало...

Вадим замолчал. Между его бровей залегла глубокая складка. Видимо, воспоминания были действительно очень тяжелыми и болезненными.

– И что? – не выдержала Настя.

– Я знал, что умираю, и родители знали это. Только бабушка не верила врачам и говорила, что еще спляшет на моей свадьбе. – Горло Вадима дернулось.

– И?

– Я выздоровел. Совершенно. И живу, как видишь, – ответил он, сделав над собой усилие.

Сзади засигналили. Вадим удивленно вздрогнул, затем опомнился, нажал на педаль газа, и они поехали.

– А бабушка умерла. Как раз в тот день, когда я пошел на поправку, – сухо закончил он. – Я думаю, именно она вытянула меня с того света, заплатила своей жизнью за мою. В общем, с тех пор я не люблю никаких шуток на тему смерти... Хотя неважно, – он встряхнул головой, будто просыпаясь. – Интересно, зачем я тебе все это рассказываю?..

Конечно же, глупо было рассчитывать, что он поймет ее и поверит ей.

Настя чувствовала себя ужасно неуютно. Однако если Вадим так серьезен, хорошо, что он принял ее слова за шутку. Недаром говорят, что иногда лучший способ скрыть правду – честно рассказать обо всем. Иногда обстоятельства бывают такими, что в них все равно никто не верит.

Когда они остановились у ее подъезда, на часах было уже без трех минут два.

Настя стащила с себя норковую шубку и протянула ее Вадиму:

– Вот, возьми. Отдашь своей Маше.

– Извини меня, – Вадим вздохнул, принял из Настиных рук шубку и забросил ее на заднее сиденье, – я не имел права расспрашивать. Если захочешь – расскажешь обо всем сама. Просто я хочу, чтобы ты знала, что если тебе будет нужна помощь – можешь рассчитывать на меня. Во всем. Ты расскажешь, что с тобой происходит? Я чувствую, что что-то не так, но не стану влезать тебе в душу.

Какая от него может быть помощь, если он не способен даже поверить ее словам, если ему до ее проблем дальше, чем до Луны?..

– Да, конечно, спасибо. Как-нибудь, – пробормотала Настя, вылезая из машины.

Кажется, только в обед жизнь казалась ей пресной и монотонной. Сколько же всего произошло за это время! Настя уже начинала думать, что и в стабильности были свои плюсы.

– Подожди! – Вадим выскочил из машины и встал перед девушкой. – Я не хочу, чтобы ты так уходила. Понимаешь, я предложил свою помощь не формально. Я действительно хочу помочь тебе. Только скажи как...

Он нерешительно приобнял ее за плечи:

– Ты по-прежнему как лед. Я, видно, глуп и самонадеян и умудрился сделать все только хуже...

«Теперь он должен меня поцеловать. Ведь не можем же мы расстаться, даже не поцеловавшись», – подумала Настя, глядя в медовые глаза.

Вадим, словно повинуясь ее приказу, прильнул к ее холодным губам. Они стояли в пустом дворе у обшарпанного подъезда, плотно прижавшись друг к другу, и целовались... целовались... Только звезды смотрели на них с неба. Не это ли осуществление ее заветной мечты? Он – таинственный и романтичный мальчик, поющий грустные песни, и она – обычная девочка, с которой никогда ничего не происходит... Нет, все почти наоборот. Он оказался другим – проще и понятнее, чем ей когда-то представлялось, а уж о том, как изменилась сама Настя, и говорить нечего.

«Интересно, он целует меня по собственной воле или только потому, что мне этого захотелось?» – мелькнуло у нее в голове. К сожалению, ответа на этот вопрос у Насти не было.

– Иди, а то заболеешь... – Вадим потянул ее в сторону подъезда.

Настя открыла дверь.

– Мы увидимся завтра? Ты дашь мне номер своего телефона? – крикнул он ей вслед.

– Дай мне свой номер, я позвоню сама, – ответила Настя.

– Но ты позвонишь? Ты же не исчезнешь?

Вадим показался ей маленьким растерянным мальчиком. Судя по виду, он был старше Насти года на два-три, однако сейчас они словно поменялись местами. Или виной тому все то, что произошло с ней? Неужели она уже начала меняться?..

– Можешь не сомневаться, – усмехнулась она, – теперь ты, можно сказать, обречен на меня...

Глава 5

Мир и дом

Когда створки лифта захлопнулись и кабинка мягко поползла вверх, Настя закрыла глаза и задумалась. Как она теперь появится дома? Что скажет маме? Что будет с ней днем и что вообще теперь с ней будет?.. «Может, пока не поздно, нужно найти кладбище и устроиться там в каком-нибудь склепе?» – размышляла Настя. Насколько она знала, готических кладбищ в их городе не водилось. Как-то они с приятельницей, начитавшись чего-то романтического, поехали на местное кладбище. Был конец марта, снег еще не везде растаял, зато там, где его не было, ноги чуть не по колено проваливались в жидкую грязь. Унылые оградки и криво торчащие из земли металлические таблички – все выглядело до того убого и как-то сиротски, что всякая мысль о романтике немедленно бежала из головы, к тому же Настя порядком замерзла и, вернувшись домой, долго растирала окоченевшие, потерявшие чувствительность ноги. Нет, что ни говори, на кладбище ей вовсе не хотелось. Девушка открыла глаза и встряхнула головой: это просто верх несправедливости этого мира – ее так называемый учитель превратил ее в монстра и даже не позаботился о том, чтобы просветить, как с этим дальше жить. Очень мило!..

Лифт остановился, двери разошлись. По клубам сигаретного дыма, которого в коридоре было, кажется, уже больше, чем воздуха, Настя догадалась, что мать ждет ее, прежде чем увидела ее. Мама вообще много курила, а когда волновалась – особенно, зажигая сигарету от сигареты.

– Ну, наконец-то! – воскликнула она, шагая навстречу дочери. – Где ты была?

Девушка привычно опустила голову. Может быть, лучше и вправду было пойти на кладбище... По крайней мере, не пришлось бы изворачиваться и сочинять...

– Я из гостей. Была на дне рождения. У Наташи... Она... моя коллега по музыкальным увлечениям, ты ее не знаешь, – сказала она, выходя из лифта.

Настя нервничала, опасаясь, что мать вот-вот почувствует неладное.

– Извини, что я сегодня нагрубила, – торопливо добавила она, проходя в квартиру. – Я не хотела...

Мама вздохнула:

– Ох ты, горе мое луковое. Ты же понимаешь, я тебе только добра хочу. Сама знаешь, как нужно сейчас образование. Я ведь не о себе – только о тебе думаю! Этот концерт был очень важен для нас. Я так в тебя верила. Вот, даже платье заказала заранее...

Насте стало стыдно. Ей часто становилось стыдно в присутствии мамы, которая одна, без отца, вырастила ее, целые дни проводила на работе, стремясь создать в семье хоть какой-то достаток. Мама всегда с готовностью приносила себя ради Насти в жертву. Она так и не вышла вторично замуж – никаких мужчин в доме, чтобы не травмировать дочь «новым папой», почти ничего не покупала себе – лишь самое необходимое, остальное – для Настеньки. Что уж говорить, особых требований к дочери не предъявлялось: только учиться и оставаться скромной девочкой. И от этой маминой жертвенности Насте было тяжело. Она, словно тяжкий груз, лежала на ее плечах, на корню уничтожая открытость и доверие между матерью и дочерью, – как могла Настя проявить себя настоящую, когда мама поставила на себе крест и ожидала, что ее дочь вырастет идеальной. С каждым годом эта ледяная стена все росла и крепла. Девушка чувствовала себя неблагодарной тварью, но никак не могла избавиться от постоянного чувства искусственности и неловкости. Как было бы хорошо, если бы они жили просто так, без этой жертвенности. В конце концов, Настя не языческий идол, жертвы ей не нужны.

– Да, мам, я знаю, – протянула она и принялась стягивать с ног чужие туфли. Все-таки хорошо, что она не чувствует боли. Туфли оказались, наверное, на размер меньше, чем требовалось, и будь Настя человеком, она бы умерла в них.

– А что это на тебе? – запоздало удивилась мама.

Настя заметила, что она принохивается, не пахнет ли от дочери алкоголем, и чуть не расхохоталась. Ну конечно, самое страшное, что только может представить себе любящая мать, – это то, что ее дочь станет алкоголичкой! Судя по всему, Насте это теперь не угрожает.

– А платье мне одолжили. Там все девочки были нарядно одеты, не сидеть же мне среди них, как клуше, в старых джинсах?! – оправдывалась она.

«Нет, мамочка, я не алкоголичка. Я всего лишь вампир!»

Подумав об этом, Настя хихикнула, но тут же состроила серьезное лицо.

– Я же говорила: не стоит брать чужие вещи. Тем более такие дорогие, – мама укоризненно покачала головой. – А где твоя куртка? Неужели ты так и шла?

– Ах куртка... Я ее испачкала и оставила у Наташи. Завтра заберу. И не волнуйся, меня подвезли на машине.

– Вот как? И кто же?

– Один знакомый мальчик.

Настя замолчала. Мама тоже безмолвно стояла напротив нее, ожидая продолжения. И, когда продолжения, против ожидания, не последовало, снова вздохнула:

– Ну хорошо. Ступай попей чаю и ложись, а я уже пойду спать. Ты же знаешь, во сколько мне вставать... Уже ночь, а я так и не ложилась... – она протяжно зевнула.

Настя прекрасно понимала, из-за кого мать не ложилась спать, но вместе с тем была рада, что мама слишком устала, чтобы чрезмерно наседавать с вопросами. Главное – продержаться до завтра, а там она уже что-нибудь придумает.

– Не буди меня утром. Нам завтра ко второму уроку, я сама себе будильник поставлю, – соврала девушка.

Мама кивнула, повернулась, чтобы идти в свою комнату, и вдруг удивленно остановилась.

Дымчато-серая ласковая кошка Алиса стояла в конце коридора и, выгнув спину и взъерошив ершиком хвост, напряженно смотрела на них.

– Алиса, девочка, что с тобой? – удивилась мама.

Настя сделала шаг по направлению к кошке, но та громко и угрожающе зашипела.

– Кажется, совсем с ума сошла, – процедила сквозь зубы девушка и направилась на кухню.

Что ж, хотя бы в одном фильмы оказались правы: животные чувствуют таких, как она. Жаль, раньше они с Алисой были друзьями, и кошка любила дремать на Настиных коленях, сладко мурлыча и благодарно вылизывая шершавым языком хозяйкины руки. Теперь это навсегда осталось в прошлом, исчезло, как страничка из дневника, унесенная порывом холодного ветра. Было – и нет. Горько, но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут.

Настя включила холодную воду, умылась и прошла в свою комнату. Алисы нигде не было видно. Наверное, укрылась в маминой спальне. Тем лучше.

Как это странно и страшно – входить в свою привычную комнату. Ты изменился, а она – осталась прежней. Те же светлые обои с нарисованными на них сочными апельсинками, оранжевая «детская мебель» – мама покупала ее, когда Насте еще было семь, сидящие на шкафу куклы – Барби-фея, Барби-русалка, большая фарфоровая кукла с румяными щечками, в обшитом рюшечками передничке, цветок фиалки на окне в горшочке, расписанном неумелой Настиней рукой, стол, компьютер – тоже не слишком новый, зато милый, оклеенный смешными яркими наклейками, полки с любимыми книгами – чего здесь только не было:

от иллюстрированных энциклопедий до фэнтези, кровать, застеленная веселеньким ярко-желтым покрывалом...

Девушка остановилась на пороге комнаты, не решаясь войти. Перед ней, словно на картинке, предстала вся ее незамысловатая жизнь. Та, куда теперь уже не было возврата.

В доме царила тишина, и только тикали механические часы в маминой спальне. Настя четко различала этот звук, а еще, если прислушаться, тихое мамино дыхание. Мама уже спокойно спала. Она еще могла спокойно спать.

Настя шагнула к себе и плотно закрыла дверь.

Интересно, что делают вампиры ночью? Летают, распугивая случайных прохожих хлопьями огромных кожистых крыльев? Теньями скользят по улицам, влекомые жаждой крови и тепла?.. Только теперь Настя остро осознала, что ее и вправду влечет тепло. От него бывает больно – вспомнить хотя бы обжигающие прикосновения Вадима – и вместе с тем от него можно на время согреться, притушить ту сосущую ледяную пустоту, что по-хозяйски обосновалась внутри ее. Настя когда-то читала про бесконечный пустой космос – там нет ни воздуха, ни жизни, только холод и одиночество – на много тысяч световых лет. Сейчас она сама стала таким космосом.

Спать не хотелось, но, так и не решив, чем занимаются ночью правильные вампиры, Настя по привычке разобрала постель и легла. Она бесконечно долго лежала, глядя в белый потолок, не думая ни о чем, словно в полусне. Сознание постепенно гасло, как оставленный без присмотра костер...

Разбудила Настю боль. Такое ощущение, как будто кто-то тычет факелом ей в лицо. Девушка прикрыла лицо руками. Боль не проходила.

«Свет! Меня жжет солнечный свет!» – сообразила она и кинулась зашторивать плотные занавески. Хорошо, что у нее в комнате именно такие, а не какой-нибудь воздушный тюль.

Но и этого оказалось недостаточно. Неприятное ощущение и теперь не исчезло. Пришлось с головой завернуться в одеяло. И только Настя проделала это, как тут же заснула – вернее, провалилась в пустоту. Без снов, без ощущений, без эмоций.

– Настя! Что с тобой? Ты заболела?

Одеяло сползло с лица, и лба коснулась горячая мягкая рука.

– Да ты же ледяная! Я вызову врача! – всполошилась мама.

– Не надо врача, – Настя села на кровати.

В комнате было совсем темно. Очевидно, уже вечер, не меньше семи, мама пришла с работы и обнаружила ее спящей.

– Я что-то устала. Вернулась из школы, сделала уроки и прилегла, – соврала девушка. – А теперь ничего, уже лучше.

От мамы веяло теплом. Прекрасным заманчивым живым теплом. Это тепло было нужно Насте как воздух. Нет, больше, чем воздух, ведь она, кажется, теперь не дышала.

«Подойди ко мне! Согрей меня!» – думала Настя, глядя на маму.

И та тут же приблизилась, села на кровать и прижала Настину голову к своей горячей груди.

– Бедная моя девочка! Ты себя совсем не жалеешь! Нельзя же так много заниматься!

Настя вдыхала знакомый запах, исходивший от мамы. У нее опять начинала кружиться голова – но не так, как во время танца с Вадимом. Теперь чувство было более оформлено и... носило выраженный гастрономический характер. У мамы, как и у самой Насти, были светло-рыжие волосы и очень тонкая белая кожа, под которой просвечивали все жилочки. Вот они – прямо перед Настиними глазами. Несмотря на царящую в комнате темноту, девушка видела их все до единой. Мама обнимала ее, а девушка слушала биение ее сердца, набатом отдавав-

шееся в ушах, и почти наяву видела красную кровь, струящуюся по венам... В горле опять стало сухо. Подчиняясь требовательному звериному инстинкту, она потянулась поближе...

И словно очнулась.

Резко оттолкнув маму, Настя вскочила на ноги.

– Это какое-то сумасшествие!.. – пробормотала она, пытаясь удержать рвущегося наружу хищника – зверя, которому хотелось преследовать добычу и убивать, жадно глотая горячую живую кровь, каждой клеточкой впитывая страх и боль своей жертвы. – Это пройдет. Пройдет. Я вполне нормальная. Я могу взять себя в руки. Меня нечего бояться...

– Ну ты как, наверное, проголодалась? Будешь есть? – Мама как будто ничего не заметила. Или она и вправду ничего не заметила?..

Настя в ужасе посмотрела на нее, не зная, счесть ли эти слова издевательством.

– Я приготовлю тебе яичницу с ветчиной, зажаристую, как ты любишь. Хорошо? – спросила мама, поднимаясь.

– Д-да, – выдавила из себя Настя.

– Ты только посмотри, наша Алиса совсем с ума сошла. Второй день уже сама не своя, – продолжала как ни в чем не бывало мама, – сегодня она меня испугала. Шерсть вздыбленная, мяукает. Как будто пытается мне что-то сказать, а что – я и не понимаю. А тут подхожу к твоей двери и вижу, что Алиса ее всю когтями исцарапала. Не понимаю, что с ней.

Она пожала плечами и ушла на кухню, откуда тут же послышался плеск льющейся воды и хлопанье холодильника: мама взялась за приготовление яичницы.

А Настя подошла к двери и увидела на ней глубокие борозды. Кошка долго царапала и кусала ее, видимо пытаясь пробраться в комнату. Как раз днем. В то время, когда Настя спала. Интересно, зачем? Ярость вскипела в девушке, как пузырьки в бокале шампанского. Она уже знала, что Алиса ей теперь не друг, но только теперь поняла, что отныне пушистая любимица стала ее врагом.

– Алиса! Кис-кис! – позвала Настя, но проклятая кошка, разумеется, затаилась.

Девушка прошла в мамину спальню, заглянула под диван, за кресло и за занавески – кошки нигде не было.

– Ну ничего, – пробормотала Настя, – я найду тебя, и будет хуже. Уж лучше бы тебе сразу же появиться на зов.

Серая провокаторша обнаружилась в коридоре в тот момент, когда она собиралась проскользнуть на кухню под защиту к маме.

Настя, сама удивляясь собственной быстроте и ловкости, преградила ей путь и загнала кошку в угол. Обе – и кошка, и хозяйка – прекрасно чувствовали, что дело принимает нештучный оборот. Девушка и не сомневалась, кто выйдет победителем, но едва она наклонилась к Алисе, кошка вцепилась когтями в руку хозяйки, а затем, воспользовавшись ее секундным замешательством, серой молнией метнулась прочь. Все это проходило в странной тишине. Ни Настя, ни Алиса не издали ни звука. Как настоящие враги, они знали, что не стоит ждать ни помощи, ни пощады.

– Глупая кошка, – с досадой пробормотала девушка.

– Настя, иди есть, все готово, – мама, улыбаясь, выглянула из кухни. У ее ног отиралась хитрая Алиса. Она словно нарочно дразнила Настю, всем своим видом говоря: «А вот и не достанешь!»

Все еще кипя от злости, девушка прошла на кухню, где на столе стояла тарелка с яичницей. Один ее вид вызывал у Насти брезгливость и омерзение. Эта маслянисто блестящая пленочка на желтке, отвратительная розовая ветчина, покрытая капельками расплавленного жира, – какая гадость! И как она могла любить такое раньше?!

Настя сидела над остывающей яичницей, ковыряясь в ее ярко-желтых глазах-желтых вилкой, а мама увлеченно рассказывала что-то о работе. Дождавшись, когда мама нако-

нец закончит рассказ и выйдет из кухни, девушка вывалила отвратительную еду в ведро и вымыла тарелку.

– Мам, я пойду погуляю, – сказала она, когда мама вернулась на кухню.

– Так поздно? – забеспокоилась та. – Посмотри, на улице уже совсем темно.

– Я ненадолго, – соврала Настя, уже прекрасно зная, что раньше утра она вряд ли вернется. – А ты ложись спать. Я возьму ключи.

Мама стояла посреди кухни, держа в пожелтевших от никотина пальцах сигарету и нервно щелкая зажигалкой, зажатой в другой руке. Видно было, что ей ужасно хочется задать какой-то вопрос и вместе с тем она отчего-то боится это сделать.

«Сейчас спросит, что со мной случилось», – испугалась Настя.

– Это связано с тем мальчиком, который тебя подвозил? – наконец проговорила мама, и девушка с облегчением вздохнула.

– Да, – небрежно бросила она и пошла одеваться.

Роли в их семье поменялись самым кардинальным образом.

Стоило Насте только открыть входную дверь, как мимо нее промелькнула серая молния. Алиса стремглав выскочила из опасной квартиры и скрылась в коридоре. Девушка хотела было броситься вслед за кошкой, но, подумав, пожала плечами. Поле боя осталось за ней, и то ладно. А поесть она себе найдет. Кого-нибудь покрупнее Алисы.

На улице было сыро. Только-только закончился дождь, и воздух напитался влагой, словно губка. Над землей стелился туман, и зажженные фонари казались небрежными акварельными мазками, нанесенными на асфальтово-серый холст ночи. В небе были натканы тусклые горошинки-звезды и забытой лампочкой висела половинка старой-старой луны.

Настя стояла посреди двора, оглядываясь и принохиваясь. Она видела ночь словно другими глазами. Она и вправду изменилась. Еще вчера она была слишком напугана произошедшим, чтобы замечать что-то, кроме своих переживаний, но вот сегодня картинка развернулась во всей полноте, ожила, наполнившись красками и звуками.

Старый двор обещал ей невиданные чудеса, улица звала, манила навстречу неизведанному. Если бы только Вадим был рядом! Если бы он мог разделить с ней восторг новых открытий!

«Все решается легко, – подумала Настя, мягко ступая по блестящему от дождя тротуару. – И как эта простая мысль не пришла мне в голову еще вчера? Мне нужно осторожно подготовить его, разузнать у учителя, как сделать человека вампиром, – и все сразу наладится. Мы будем вместе. Навсегда. На целую вечность! Это будет история идеальной любви. Что может быть прекраснее, чем вечная любовь? Настоящая история любви Ромео и Джульетты начинается как раз в тот момент, когда оба умирают».

Эта мысль привела девушку в отличное настроение. Она достала из кармана мобильник – ах да, он, бедняжка, был отключен еще со вчерашнего вечера – и включила его.

Двадцать неотвеченных вызовов! Ну ничего себе! Семнадцать из них – вчерашние, от мамы, а три сегодняшних – от Сони. Тоже понятно – подруга беспокоится о том, что Настя не появилась в школе. Кстати, о школе. Надо бы позвонить хотя бы той же Соне и напелсти чего-нибудь, а то начнут ее искать, поднимут суматоху, расстроят маму... Сейчас это совершенно ни к чему.

Думая об этом, Настя набрала номер подруги. Та ответила на вызов так быстро, словно только и ждала Настиного звонка.

– Привет! Ты куда пропала? Что-нибудь случилось? – В голосе Сонечки звучало неприкрытое любопытство. Ее можно понять. В жизни Петровой тоже ничего не происходило, совсем как у Насти до недавнего времени.

«И не надейся!» – хотела ответить Настя, но сдержалась и, изобразив горестный вздох, произнесла:

– Ой, Соня, я заболела. Передай в школе, что недели две точно не приду.

– Что с тобой? – обеспокоилась та. – Тебя навестить? – спросила она так, что не оставалось сомнений: навещать больную ее вовсе не тянет.

– Н-нет, пока не надо. Это вирус. Очень заразный.

«Кстати, очень подходящее определение вампиризму. Надо бы запомнить», – отметила Настя.

– А-а, – протянула Петрова, – ну тогда давай выздоравливай, – и торопливо повесила трубку.

«Какая же Соня дура! – подумала Настя. – Похоже, она боится, что заразится прямо через телефонную трубку! Как хорошо, что теперь я прекрасно обойдусь и без ее компании!»

Девушка вышла к детской площадке, села на спинку лавочки, поставив ноги в черных сапожках прямо на сиденье – с имиджем пай-девочки было окончательно покончено, – и набрала номер Вадима.

– Привет, – промурлыкала она в трубку, когда на другом конце нажали прием.

– Привет, – отозвался он, в его голосе звенели то ли серебряные колокольчики, то ли льдинки.

– Это... – Настя замялась, вспоминая, назвала ли она вчера свое имя... да и нужно ли оно, имя, вообще? Какой в нем прок? Вот учитель называет себя просто учителем. Почему бы не придумать что-нибудь столь же простое и элегантное?..

– Да, я узнал тебя.

– Я бы хотела встретиться с тобой сегодня. – Настя тряхнула волосами, входя в роль роковой соблазнительницы: не зря же красавиц так и называют – женщины-вамп.

– Я бы тоже очень хотел встретиться с тобой. Я думал о тебе все это время.

– Вот и отлично. Сможешь подъехать к моему дому через полчаса?

– Да, – ответил он.

– Тогда до встречи!

Настя ликовала. Ликовала. Ей определенно нравилось ее новое тело. Сильное, гибкое. Все складывалось прекрасно. Хорошо, что учитель сделал ее такой... Что-то, кстати, давно его не было видно. Вообще-то так не поступают. Как там было у Антуана Экзюпери: «Ты в ответе за того, кого укусил»? Нет, конечно, не совсем так, но суть одна. Он оставил ее разбираться с новыми проблемами в одиночку, даже не поинтересовавшись, где она собирается ночевать... в смысле, наоборот, проводить день, укрываясь от солнца. А если бы она, как идиотка, осталась на улице и была сожжена рассветными лучами – неужели его это совершенно не интересуется?!

Девушка огляделась: а вдруг учитель сидит на ближайшем дереве и наблюдает за ней, но никого не обнаружила.

«Ладно, – махнула она рукой, – неважно».

Глава 6

И пошел снег...

– Эй, а у тебя десяти рублей не найдется? На пиво не хватает, – с пьяной откровенностью прервал Настины мысли чей-то голос.

Настя удивленно подняла взгляд. Рядом с ней, у скамейки, стояла девушка немногим старше ее самой, в задрипанной курточке и натянутой по самый нос шапке. Это была Светка, весь двор знал, что она, несмотря на свои восемнадцать или двадцать (свой возраст не помнила, пожалуй, даже она сама), что называется, употребляет.

Настя собиралась было отмахнуться от нее, привычно сунув мятую десятку, но потом в ее голову пришла иная идея. Вот, подумалось ей, совершенно бесполезный и даже вредный человек. Живет себе, копит небо и не делает абсолютно ничего. Никакой пользы. Так почему бы ей не поделиться тем, что у нее есть? Тем более что Настя возьмет у нее совсем немного крови. Чуть-чуть, эта пьянь даже не заметит! При этой мысли Настино горло дернулось. Она бросила быстрый взгляд вокруг. Никого. И только в отдалении скользили темные силуэты запоздалых прохожих. Если что-то случится, никто и не увидит. А Светка наверняка не так изворотлива, как эта серая тварь Алиса.

– Помогать ближнему своему – благое дело, милочка, – Настя широко улыбнулась.

К счастью, было слишком темно, чтобы Светка могла заметить и расшифровать эту улыбку.

«Вы делаете успехи, милая барышня. Сами видите, охота – это совсем несложно», – наверняка похвалил бы ее учитель.

– Вот, возьми, – Настя наугад выудила из кармана смятую купюру и, не глядя, протянула девушке.

Светка взяла деньги, и тут Настя быстрым движением прильнула к ее шее. Светка попыталась вырваться, но только забилась в Настиных руках, как бьется в сетях паука глупая муха.

Тепло. Надежность. Жизнь...

Густая горячая кровь щедрым потоком лилась в ее горло, наполняя тело безмерной радостью. Какая же она была дура, что так долго отказывала себе в удовольствии вкусить настоящую кровь! Кровь той бродячей собаки не шла ни в какое сравнение с человеческой, как нельзя сравнить жидкий сок из ламинированного пакетика с натуральным, только что выжатым густым соком.

Тепло и блаженство растекалось по всему Настиному телу. Голова приятно кружилась. Вампирам не нужен алкоголь – кровь пьянит похлеще!

Она пила и пила, как истомленный жаждой путник в пустыне, целиком отдавшись волнующему и чудесному чувству. Такой эйфории Настя еще никогда не испытывала!..

«Надо бы остановиться, – мелькнула в голове мысль. – Еще немного, буквально пару глотков – и все», – пообещала себе она...

Когда Настя насытилась, то поняла, что девушка беспомощно висит у нее на руках. Она попыталась прислушаться. Кажется, ее сердце не билось.

– Малокровная какая-то, – пробормотала Настя, отбросив от себя тело. Девушка упала и осталась лежать в нелепой позе, точь-в-точь сломанная игрушка.

Зато Настя почувствовала, что сил у нее прибавилось. Она прошлась по площадке, разминая руки и ноги, мигом взлетела на вершину детской лесенки и уселась там, довольно оглядывая окрестности. Внутри было приятно и тепло. Тепло наполняло ее с ног до головы – такое уютное, такое родное. Настя почувствовала к выпитой девушке почти сестринскую любовь. Та так много ей дала!

Прикоснувшись к щекам, девушка поняла, что они стали теплее. Чудо жизни, отнятое у другого, наполнило ее тело, размягчило щеки, добавило блеску глазам и уверенной ловкости движениям. Весь мир, казалось, послушно лежал у ног, ночь ласково раскрывала ей свои объятия – и она могла все! Почти все!

В кармане завибрировал мобильный.

– Я подъехал. Ты где?

– Сейчас подойду! – обрадовалась Настя и, спрыгнув с лесенки, поспешила к дороге, позабыв о лежащем у скамейки теле.

Вадим, открыв дверцу машины, неотрывно смотрел на нее.

– Какая же ты красивая! – тихо сказал он, когда она подошла поближе. – Знаешь, ты даже красивее, чем вчера.

Настя улыбнулась, обошла машину и села рядом с ним.

– Ну, куда поедем? – спросила она, поправляя, глядя в зеркало, волосы.

– Сюрприз.

Он отвез ее в маленькую студию, расположенную в крохотном, словно гараж, одноэтажном здании на окраине города.

– Вот здесь я провожу большую часть времени, когда не занят по учебе, – сказал Вадим, пока Настя с интересом разглядывала висящие на стене гитары, синтезатор и какое-то, кажется, звукозаписывающее оборудование.

– Здесь ты и пишешь свои песни? – спросила она.

– Иногда, – улыбнулся он. – На самом деле чаще всего они приходят ко мне сами, не спрашивая о времени, но лучше всего придумывается, когда я иду или еду куда-нибудь.

– И ты никогда не думал связать свою жизнь с музыкой?

Лицо Вадима тут же стало серьезным.

– Я должен стать врачом, понимаешь? Чтобы жизнь проходила не зря. Мне нужно помогать людям, – ответил он, машинально взяв одну из гитар и тихонько перебирая струны.

– Зачем тебе это? По-моему, нужно жить для себя и делать то, что тебе действительно нравится. – Настя с наслаждением потянулась. Теплая кровь струилась в ее венах, согревая, давая чувство уверенности и благополучия. – Вот я до недавнего времени тоже пыталась жить для других... для своей мамы, которая, видите ли, возлагала на меня всяческие надежды. И что? И ничего! Зато как же хорошо быть свободной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.